The illustration depicts a winter scene in a town. On the right, a brown sparrow with a white breast and throat is perched on a red brick wall, its beak open as if singing. To the left, a tall, reddish-brown building with a snow-laden roof and a wooden ladder leaning against it stands in a snowy courtyard. In the background, other buildings and chimneys are visible under a grey, overcast sky. The overall style is that of a classic children's book illustration.

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

УЛИЧНЫЙ
ПЕВЕЦ

ДЕТГИЗ - 1956

Скан и обработка:

krestik

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ

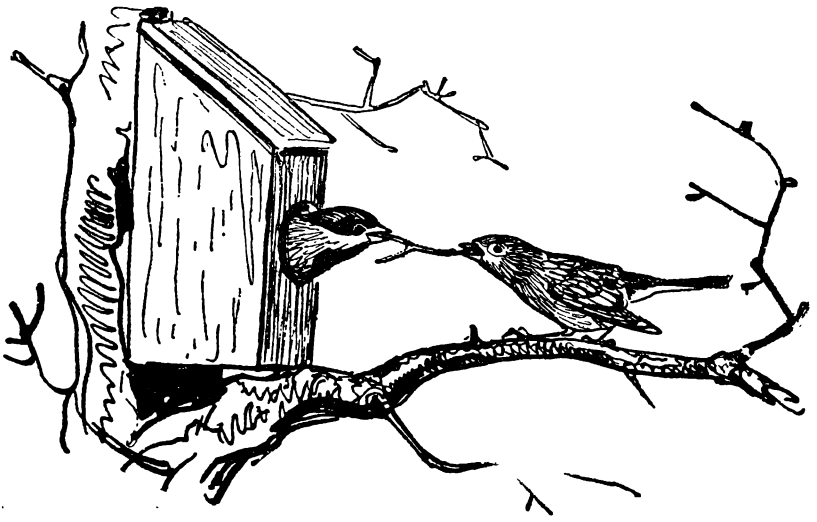
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА — 1956

Пересод с англійского Николая Чуковского

Рисунки Г. Никольского

УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ

I

Какая оживленная маленькая толпа! Сколько волненья и трескотни!

Несколько воробьев порхают с места на место и прыгают друг около друга посреди водосточного желоба.

В центре этой толпы, когда она немного рассеивается, можно видеть причину всей сумятицы: маленькую воробиху, отчаянно, с негодованием защищающуюся от своих назойливых поклонников. Воробьи, повидимому, ухаживают за ней, но их манеры так грубы, что с первого взгляда это ухаживание можно принять за расправу. Они треплют и щиплют ее самым жестоким образом, не причиняя ей, впрочем, как можно заметить, никакого серьезного вреда. А у нее самой одно только желание: избавиться от своих му-

чителей. Она бы убила их всех без всякого сожаления, если б только могла.

Совершенно ясно, что, как бы они ни ухаживали, она ни к кому из них не чувствует симпатии. И вот, постаравшись убедить их в этом, насколько возможно, при помощи своего клюва, она пользуется легкой заминкой среди соперников и улетает на ближайшую водосточную трубу. При этом на одном из ее крыльев становятся видны белые перышки, отличающие ее от других и делающие ее особенно привлекательной.

II

Воробей-самец, гордый своим черным галстуком и белым воротничком, был очень занят. Он усердно работал над достройкой птичьего домика, поставленного детьми в саду. Он был во многих отношениях выдающейся птицей. Строительными материалами служили ему веточки и прутики, которые нужно было приносить с ближайших площадей, а по утрам он приостанавливал работу всего лишь на одну минуту, чтобы спеть песенку, громкую и чувствительную, не хуже любой канарейки.

Совсем не в обычае у воробьев строить себе гнезда в одиночестве. Но мы недаром назвали этого воробья выдающейся птицей. После недели работы он, видимо, окончил постройку гнезда, так как птичий домик был уже наполнен до самой дверцы веточками, сорванными с городских деревьев. У него теперь оставалось больше свободного времени для музыкальных упражнений, и все чаще и чаще, на удивление всем, раздавалась его песенка, совсем не похожая на воробьиное чириканье. И наш воробей вошел бы, может быть, в историю как одна из необъяснимых загадок природы, если бы некий любитель птиц, парикмахер с Шестой аллеи, не рассказал нам о первых днях его жизни.

Этот человек, оказывается, положил воробьиное яйцо в ивовую корзинку, служившую гнездом для его

канареек, и вылупившегося из этого яйца птенца воспитывали приемные родители. Пение было их специальностью. Птенец обладал крепким телосложением и отличными легкими. Канарейки воспитали его на славу. Из него вышел певец, восполнявший энергией недостаток природного таланта. Сильный, драчливый и не лишенный музыкальности, этот забияка стал в скором времени господином всей клетки. Он, не колеблясь, принуждал к молчанию канарейку, которую не мог превзойти в совершенстве мелодии, и после каждой из таких легких побед его песни бывали столь необычно хороши, что хозяин предоставил ему разделяться с канарейкой как угодно, для того чтобы иметь возможность позабавить своих гостей торжествующей победной песней Рэнди — так звали воробья.

Рэнди заставлял молчать всякую канарейку, с которой его сажали в одну клетку. А сидя в отдельной клетке, он ни от чего не приходил в такую ярость, как от близости какого-нибудь певца-соперника, которого он не мог заставить молчать. В таких случаях он совершенно забывал свою музыку и начинал злобно чирикать по-воробьиному.

Со временем, когда у него появился черный нагрудник, Рэнди стал едва ли не главной достопримечательностью парикмахерской. Но вот однажды полка, на которой стояли клетки, рухнула, все клетки свалились на пол, и среди всеобщего разрушения многие из птиц очутились на свободе. Среди них был и Рэнди. Канарейки добровольно вернулись в свои клетки или позволили себя поймать, а Рэнди выпорхнул через окно, почирикал немного, вызываясь запел в ответ на свисток паровоза городской железной дороги и, не позволив себя поймать, приступил к исследованию окрестностей. Он не был рожден для того, чтобы жить пленником, и быстро освоился со своим новым положением свободной птицы. Через неделю он был уже так же дик, как любой представитель его рода, и превратился в маленького уличного буяна, подобно другим воробьям, вечно дерущимся между собой на улице. Он раздавал

им удар за ударом. Иногда он поражал слушателей неожиданной музыкальной гаммой, которую заимствовал от канареек, но пел с истинно воробьиным задором.

III

Таков был Рэнди, тот самый воробей, который избрал птичий домик для своего гнезда. Теперь ясно, почему он собирал столько веток. Единственное гнездо, которое он видел в жизни, было плетеной корзиночкой. Поэтому свое собственное гнездо он строил из прутиков.

Через несколько дней Рэнди появился с подругой. Я мог бы забыть сцену в водосточном желобе, если бы не узнал теперь в подруге Рэнди маленькой Бидди, той самой белокрылой дамы, которая была причиной потасовки.

Рэнди ей, видимо, нравился, но она еще продолжала пыжиться и клевать его, как только он приближался. А он все расхаживал вокруг нее с опущенными крыльями и хвостом, щебеча что-то, как делал бы всякий другой воробей-самец на его месте, и останавливаясь лишь для того, чтобы запеть.

Наконец ему удалось преодолеть ее сопротивление, быть может, именно благодаря своему удивительному музыкальному таланту, и он уже провожал ее к своему гнезду, летя впереди и показывая дорогу. Она последовала за ним в гнездо, но тотчас выскочила обратно, а Рэнди за нею, чирикающий и умоляющий. Он долго что-то щебетал, прежде чем ему удалось убедить ее вернуться, но она снова выскочила, на этот раз явно рассерженная. Опять он старался ее убедить, и наконец она вошла внутрь домика, но опять выскочила, неся в своем клюве веточку, уронила ее и улетела прочь. Вышел наружу и Рэнди. Он уже больше не гордился своим домом. Это был большой удар для него. С минуту он безутешно посидел на пороге, щебеча нечто такое, что должно было означать: «О вернись, вернись!», но его невеста не возвращалась. Потом он

опять прыгнул внутрь. Послышалось легкое царапанье, он выскочил с большой веточкой в клюве и швырнул ее из дверей на землю. Он вернулся за другой, которую также отправил вслед за первой, и так далее, пока не вытащил и не побросал на землю все веточки, которые раньше так заботливо и трудолюбиво собирал. Эта редкостная веточка с развилиной, которую стоило столько труда доставить с площади Союза, и эти два мягких прутика вроде тех, из которых было сделано гнездо его приемной матери, — все, все пускай пропадает!

Около часа он трудился над разрушением своей постройки молчаливо и в одиночестве. Наконец работа была окончена, и внизу, на земле, лежала целая куча веток, точно маленький костер.

Рэнди свирепо посмотрел на результаты уничтожения своего недельного труда, оглянулся на пустой домик, издал короткое грубоватое чириканье — вероятно, какое-нибудь бранное слово на воробьином языке — и улетел прочь.

На следующий день он вновь появился в сопровождении беглянки, кружась около нее и возбужденно чирикавая. Он снова подвел ее к своему домику. Бидди прыгнула внутрь, потом выскочила и посмотрела сверху на кучу веток, лежащую на земле. Затем снова вошла и появилась опять на пороге с крошечной веточкой, видимо забытой Рэнди, бросила ее и с удовольствием следила, как она падала вниз, на кучу. После долгой беготни внутрь домика и обратно оба улетели вместе и вскоре вернулись: Бидди — с пучком сена в клюве, а Рэнди — с соломинкой. Все это было внесено внутрь домика и, вероятно, прилажено на место по всем правилам строительного искусства. Потом они опять отправились за сеном, после чего Бидди осталась в домике устраиваться, пока Рэнди приносил сено, пучок за пучком, и только изредка, когда он слишком медлил, она сама отправлялась за ношей.

Наконец-то мне представился удобный случай испытать их вкусы. Я разложил на балконе, вблизи

от птичьего домика, тридцать коротких тесемок и лент. Пятнадцать из них были самого обыкновенного вида лоскутки, восемь — из более роскошного материала и семь — из яркого шелка. Каждый светлый лоскуток чередовался с темным. Бидди первая заметила эту выставку. Она слетела вниз, осмотрела ее со всех сторон левым глазом, правым глазом, потом решила, что не стоит ничего трогать. Но тут подоспел Рэнди: ему, как бывшей комнатной птице, все это было знакомо. Он попрыгал в одну сторону, затем в другую, тронул один лоскуток, отскочил назад, снова приблизился, поклевал там и сям и наконец схватил свою добычу и улетел с нею. Затем опять прилетела Бидди, и на этот раз оба унесли по лоскутку. Предпочтение оказывалось только темным лоскуткам, но когда они кончились, Бидди подобрала несколько более светлых лент. А самые яркие так и остались нетронутыми.

Гнездо было уже наполовину готово, когда Рэнди еще раз сделал попытку принести прутик. Но через мгновение прутик был сброшен вниз, на кучу, а Бидди победоносно глядела ему вслед. Бедный Рэнди! Никакого снисхождения к его слабости. Все чудесные прутики были выброшены! У его матери было гнездо, сплетенное из прутиков, — великолепное гнездо! Однако он вынужден был покориться. Теперь в домике ничего не осталось, кроме соломинок и сена, — ни одной палочки, а только мягкие материалы. И он подчинился этому: свобода ежедневно давала ему уроки подчинения.

Раньше он думал, что весь мир заключается в парикмахерской, а он, Рэнди, — самый важный из живущих в этом мире существ. Но теперь оба эти представления рушились. Бидди находила, что его воспитание имело весьма существенные пробелы в практическом отношении, и ей на каждом шагу приходилось заново его учить.

Когда гнездо было на две трети закончено, Бидди, затаившейся которой были поистине великолепны, стала откуда-то приносить большие мягкие перья. Но теперь

Рэнди нашел, что это заходит слишком далеко и нужно поставить какой-нибудь предел.

Ему не понравилась постель из перьев, которых не было в его первой колыбели, и он занялся выбрасыванием неприятных ему постельных принадлежностей. Бидди подросла как раз во-время с новой ношей, чтобы увидеть принесенные ею раньше перья вылетающими из домика вниз, на кучу веток. Она бросилась за ними, схватила их еще в воздухе и вернулась навстречу своему господину, показавшемуся из дверей с новым пучком злополучных перьев. И так они остановились, смотря друг на друга и громко чирикаая, оба с клюзами, полными перьев, и с сердцами, полными взаимной обиды.

Сначала разыгралась бурная сцена, во время которой перья то вносили в домик, то выбрасывали прочь или они летели по саду, гонимые ветром. Потом наступило затишье, а на следующий день все перья были водворены обратно в гнездо. Каким образом они пришли к соглашению, навсегда останется тайной. Во всяком случае, большую часть работы выполнил сам Рэнди и не успокоился, пока ящик не был набит самыми большими и мягкими из перьев.

Супруги обыкновенно держались вместе, но как-то раз Бидди улетела и долго не возвращалась. Рэнди посмотрел вокруг, почирикал, взглянул вверх, потом вниз и увидел опять кучу прутиков, на собиранье которых он столько затратил труда. Чудесные прутики, совсем как в той колыбельке, где он родился! Рэнди слетел вниз. Замечательная веточка с развилиной все еще лежала на месте, и соблазн был непреодолим. Рэнди схватил ее и поспешил с ней к гнезду, потом залез внутрь. С этой веточкой всегда было трудно обращаться, она зацеплялась развилиной за дверь. Но ему так часто приходилось последнее время протаскивать ее внутрь, что он уже знал, как лучше поступить. Провозившись с ней внутри с полминуты, он выпорхнул опять наружу, гордо посмотрел вокруг, почистил себе перья, встряхнулся, затем пропел свою канареечную песню

несколько раз с начала до конца и с самым счастливым видом взял несколько новых нот.

Когда Бидди прилетела с перьями, он предусмотрительно помог водворить их на место. Гнездо было готово.

Двумя днями позже я поднялся к гнезду и нашел там яйцо. Воробьи видели, как я влезал, но не носились с криком над головой, как поступает большинство птиц, а, отлетев на почтительное расстояние, тревожно следили за мной из-за дымовой трубы.

На третий день внутри домика началось какое-то движение, слышалась сдержанная борьба, чириканье, и два-три раза птичий хвост показывался из дверей, как будто обладатель его пятился назад, таща что-то. Наконец обладатель хвоста вылез наружу настолько, что в нем уже можно было узнать Бидди. И снова ее втянули внутрь. Очевидно, происходила какая-то семейная ссора. Все это было совершенно необъяснимо, пока Бидди наконец не выбралась наружу и не вытащила любимую ветку Рэнди, которую она тотчас с презрением швырнула вниз. Она нашла ее в своей постели, куда он ее запрятал.

Вот из-за чего они ссорились! Но мне непонятно было, как она могла все-таки ее вытащить при его сопротивлении. Я подозреваю, что ему пришлось уступить, чтобы не нарушить семейный мир.

В пылу сражения вместе с веткой было нечаянно вытолкнуто и яйцо. Оно лежало теперь внизу — фарфоровые черепки на мокром желтом фоне. Воробьи, казалось, не были обеспокоены его участью. Выпав из гнезда, оно ушло из их мира.

IV

После этого наша парочка продолжала мирную жизнь в течение ряда дней. Одно яйцо за другим откладывалось в гнезде. Через неделю яиц уже было пять, и оба супруга, казалось, были вполне счастливы. Рэнди распевал на удивление всей округе, а Бид-

ди приносила все больше и больше перьев, как бы приготавливаясь к зимовке. Мне пришло в голову произвести маленький опыт. Улучив благоприятную минуту, поздно вечером, я положил мраморное яйцо в их роскошное гнездо. Что произошло вслед за тем, я не знаю.

На следующее утро я пошел погулять. Было воскресенье, и на улице стояла тишина, только кучка людей глазела на что-то у водосточного жолоба. Подойдя ближе, я услышал чириканье и, заглянув в середину круга, увидел двух воробьев, сцепившихся в жестокой схватке, громко чирикавших и беспрестанно колотивших и клевавших друг друга. Некоторое время они кружились и дрались, не обращая никакого внимания на зрителей. Но когда они наконец приостановились, чтобы перевести дух, и в изнеможении присели на свои хвосты, я был совершенно поражен, узнав Бидди и Рэнди. После новой схватки они были спугнуты одним из зрителей, который, видимо, не одобрял ссоры в воскресный день. Тогда они взлетели на ближайшую крышу, чтобы продолжать драку без помехи. В тот же день я нашел на земле под гнездом не только мое мраморное яйцо, но и остатки пяти их собственных яиц, которые были выброшены заодно с ним. И я предполагаю, что все произошло именно из-за этого странного, твердого и круглого, яйца.

В этом птичьем домике, очевидно, не могло быть ни счастья, ни мира, поэтому они оставили его вместе со всем содержимым, в том числе и с перьями. Бидди, затеи которой отличались оригинальностью, выбрала на этот раз место для гнезда на колпаке фонаря посреди площади. Целую неделю они трудились и, несмотря на сильный ветер, закончили свою постройку. Трудно было представить себе, как птицы ухитрялись спать ночью при таком ярком свете под самым их носом. Тем не менее Бидди казалась довольной, а Рэнди уже научился не высказывать своего мнения. Все было бы хорошо, если бы еще раньше, чем было снесено первое яйцо, фонарь не потух. Фонарщик, исправляя фонарь,

безжалостно отправил всю постройку Бидди и Рэнди в мусорный ящик.

Для жаворонка это был бы непоправимый удар, но энергии и самоуверенности воробья нет предела. Очевидно, гнездо было неудачным или, быть может, ошибка заключалась в выборе материалов. Во всяком случае, лучше устраиваться по-новому.

Похитив несколько соломинок из гнезда отлучившегося соседа, Бидди положила их на высокую ветку вяза в саду на площади, указав этим Рэнди новое место, избранное ею. И Рэнди, познав на опыте, что гораздо спокойнее подчиниться ее решениям, дважды пропел канареечную песню и стал копать в мусорных кучах, выбирая строительный материал и с неохотой обходя какой-нибудь хорошенький пруттик, попадавшийся ему на пути.

V

На другой стороне площади было гнездо, в котором жила пара воробьев с очень скверной репутацией. В особенности самец-воробей не пользовался любовью других. То был рослый и очень красивый воробей с огромным черным галстуком, отчаянный забияка. Этот воинственный воробей благодаря своей силе взял себе подругу по своему выбору и захватил лучшее место для гнезда, да вдобавок еще и все самые восхитительные материалы с площади. Мои воробьи отказались от роскошных лент, которые я им предлагал, но и у них, конечно, были свои художественные вкусы. Несколько перьев из крыльев гвинейской курочки, попавшие сюда случайно из зверинца, переходили путем воровства из гнезда в гнездо, пока наконец не остались в великолепном доме, которым Буян и его жена украсили одну из мраморных колонн нового банка.

Буян делал все что хотел в пределах парка и однажды, услышав песню Рэнди, налетел на него. Рэнди был страшилищем для канареек, но справиться с Буяном не мог. Он дрался на славу, но был побит и искал спасения в бегстве. На крыльях победы Буян полетел

прямо к новому гнезду Рэнди и после пренебрежительного осмотра принялся вытаскивать прутики, которые могли ему пригодиться дома. Рэнди был здорово побит, но подобный грабеж снова возродил доблесть в нашем певце, и он теперь уже сам набросился на Буяна. В пылу схватки оба упали с веток на землю. Другие воробьи присоединились к драке, и — стыдно сказать! — они дрались на стороне рослого Буяна против того, кого считали чужаком.

Рэнди приходилось совсем плохо и от него уже летели перья, как вдруг в самую середину круга сражавшихся шлепнулась маленькая воробьица с белыми перышками на крыльях. «Чирик, чирик, бей, колоти!» — Бидди тут как тут. О, она хорошо за себя постояла! Воробьи, которые сначала присоединились к драке ради забавы, сразу удрали: тут уж было не до шуток, бой был самый настоящий, и картина резко изменилась. Буян быстро потерял весь свой задор и полетел обратно, в свою сторону, с Бидди, вцепившейся в его хвост подобно маленькому бульдогу. И так она продолжала висеть на нем, пока не вырвала одно перо, которое потом с торжеством использовала для своего гнезда вместе с похищенными материалами.

Через два дня после этого события перья гвинейской курочки, которые так долго были главной достопримечательностью гнезда Буяна, составляли уже часть обстановки нового жилища Бидди, и никто больше не решался оспаривать ее права.

Лето подходило к концу, перья стали редки, и Бидди не могла их найти для своей постели. Но она нашла нечто их заменяющее, чем лишний раз доказала свою любовь ко всему новому. На площади была стоянка экипажей. Вокруг лошадей на мостовой постоянно валялся конский волос, который мог служить хорошей подстилкой. Это была превосходная мысль, и наша неунывающая парочка с отменным усердием принялась за собирание конских волос, по два и по три сразу. Возможно, что гнездо другой породы воробьев в одном из парков внушило им эту мысль. Эта порода —

Чиппи — всегда пользуется конским волосом для подстилки и устраивает внутри гнезда настоящий пружинный матрац из свернутых волос. Дело хорошее, но надо уметь за него взяться. Все было бы хорошо, если бы наши воробьи предварительно научились обращаться с волосом. Когда Чиппи собирает волосы, он никогда не берет больше одного сразу и при этом осторожно поднимает его за конец, зная, что волос, кажущийся таким безобидным, бывает и опасным. Наши воробьи привыкли иметь дело только с соломинками. Бидди хватала волос у середины и, находя его слишком длинным, перебирала клювом на несколько дюймов дальше.

В большинстве случаев от этого получалась большая петля из волоса над ее головой или под клювом. Но это было очень удобно для нее при полете и первое время не приносило ей вреда, хотя любой Чиппи, наверно, содрогнулся бы при виде этой грозной петли.

Наступил последний день устройства их жилища. Бидди по-своему дала понять Рэнди, что больше ничего не нужно приносить. С оживлением и гордостью она заканчивала уборку и прилаживала на место последний волос, в то время как Рэнди распевал свои лучшие песенки, усевшись на голове одной из садовых статуй. Вдруг громкое, тревожное чириканье поразило его слух. Он посмотрел по направлению к дому и увидел, что Бидди барахтается в гнезде без всякой видимой причины и безуспешно старается вырваться из него наружу. Ее голова попала в одну из опасных волосяных петель, сделанных ею самой, петля затянулась, и она оказалась пойманной. Чем больше она барахталась, стараясь высвободиться, тем туже затягивалась петля.

Рэнди доказал теперь, как глубока была его привязанность к своенравной маленькой подружке. Он пришел в страшное волнение и с громким чириканьем полетел на помощь. Пытаясь ее освободить, он стал тянуть ее за лапку, но это только ухудшило дело. Все их

усилия были напрасны и лишь прибавляли новые узлы и петли. Остальные волосы, лежавшие в гнезде, казалось, присоединились к заговору: они спутывались и переплетались, затягивая еще больше несчастную жертву. И вскоре дети, собравшиеся внизу, в парке, с удивлением разглядывали висевший наверху комочек перьев, растрепанный и неподвижный, — все, что осталось от шумливой, предприимчивой Бидди.

Бедный Рэнди был глубоко огорчен. Соседи-воробьи собрались на тревогу и присоединились к его крику, но тоже не могли помочь. Теперь они опять разлетелись по своим домам, а Рэнди продолжал прыгать вокруг или тихо сидеть на месте с опущенными крыльями. Долго еще он не мог примириться с мыслью, что его подруга мертва, и весь день старался чем-нибудь ее заинтересовать и вовлечь в их обычную жизнь. Ночь он провел в одиночестве на дереве, а чуть забрезжило утро, он уже опять носился, чирикавая и распевая, вокруг гнезда, с края которого на злополучном конском волосе висела его Бидди, молчаливая и окоченевшая.

VI

Рэнди никогда не был так осторожен, как остальные воробьи. Воспитанный вместе с канарейками, он не был приучен к осторожности. Он не боялся ни детей, ни экипажей. Теперь это его свойство еще усилилось, потому что он был угнетен и опечален. В тот же самый день, разыскивая себе пищу, он не успел вовремя отскочить от посыльного-велосипедиста и попал хвостом под колесо велосипеда. При попытке вырваться хотя бы ценою потери хвоста его правое крыло очутилось под задним колесом. Посыльный промчался дальше, а Рэнди со сломанным крылом стал метаться и прыгать в сторону окаймляющих аллею деревьев. Тут его поймала маленькая девочка. Она взяла его домой, посадила в клетку и с самой неуместной, по мнению ее братьев, нежностью принялась за ним уха-

живать. Выздоровливая, он в один прекрасный день привел всех в изумление своими канареечными трелями.

Об этом узнал один газетный репортер. В газете появилась заметка о Рэнди. Заметка эта попала парикмахеру. Парикмахер явился с несколькими свидетелями, восстановил свои права на диковинную птицу и получил Рэнди обратно.

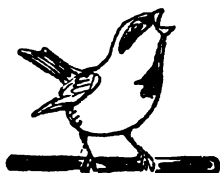
Итак, Рэнди снова в клетке, его тщательно берегут и откармливают, он снова — первое лицо в этом маленьком мире. Он вовсе не чувствует себя несчастным. Он все-таки никогда не был настоящей дикой птицей. На свободе он очутился совершенно случайно. Случай свел его с Бидди. Их короткая совместная жизнь была полна тревог и случайностей. Случайность погубила ее, и другая случайность вернула его в клетку. Жизнь в клетке, спокойная и бедная событиями, дала ему теперь возможность развивать свои музыкальные способности. Здесь, бок о бок со своими старыми учителями и воспитателями, он живет, словно в консерватории.

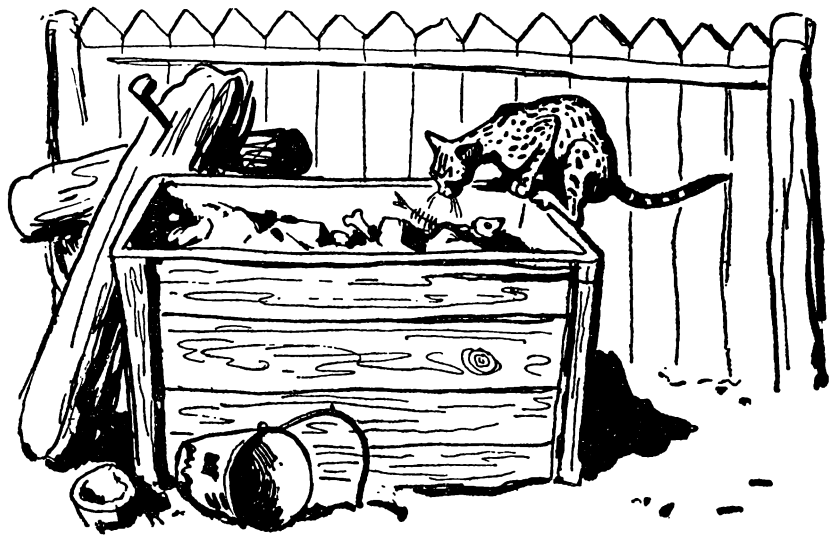
Иногда, предоставленный самому себе, он начинает развлекаться постройкой гнезда из прутьев, но с виноватым видом оставляет этот угол клетки, когда видит, что кто-нибудь подходит к ней. Если ему подбросить несколько перьев, он сначала прилаживает их к гнезду, но на следующее утро они неизменно оказываются выброшенными на пол.

Эти упорные попытки строить гнездо возбудили догадку, что он нуждается в подруге, и на выбор ему подсаживали в клетку разных птиц, но результат получался неблагоприятный. Всякий раз требовалось быстрое вмешательство, чтобы предотвратить кровопролитие и спасти птицу, предназначенную ему в невесты.

Наконец эти опыты прекратились, так как было очевидно, что певец предпочитает оставаться холостяком. В его песнях звучал скорее воинственный, чем любовный пыл, и вскоре парикмахер сделал открытие,

что Рэнди поет особенно звонко после победы не над канарейками, а над чучелом самца-воробья. Колотя чучело, Рэнди поет вдохновенно и громко, в особенности, если немой противник имеет памятный ему большой черный галстук на шее.

КОРОЛЕВСКАЯ АНАЛОСТАНКА

Жизнь первая

I

— Мя-я-со! Мя-я-со! — пронзительно разносилось по Скримперскому переулку.

Все кошки околотка сбегались на этот призыв. А собаки отворачивались с презрительным равнодушием.

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздавалось все громче и громче.

Наконец появился грязный, всклокоченный человек с тачкой. Со всех сторон к нему спешили кошки. Через каждые пятьдесят шагов, как только кошек собиралось достаточно, тачка останавливалась. Человек доставал из ящика вертел, унизанный кусочками сильно пахнущей вареной печени. Длинной палкой

он поочередно спихивал эти кусочки с вертела. Каждая кошка хватала по куску, прижав уши, и, метнув злобный взгляд, с урчаньем бросалась прочь, чтобы насладиться добычей в надежном убежище.

— Мя-я-со! Мя-я-со!

Всё новые и новые пенсионерки прибывали за своими порциями. Все они были хорошо известны продавцу печенки. Вот тигровая — Касильоне, вот черная — Джонса, вот черепаховая — Пралицкого, вот белая, принадлежащая мадам Дантон. Там вон крадется ангорская — Бленкинсофа. А тот, что залез на тачку, старый оранжевый Билли — кот Соьера, наглый плут, хозяин его очень плохо платит. Каждого надо помнить. Вот бежит кошка, хозяин которой аккуратно вносит свои десять центов в неделю. Зато вот та, другая, ненадежна. А вот кот Джона Уаши: этот получает кусочек поменьше, потому что Джон задерживает платеж. Разукрашенный ошейником и бантами крысолов трактирщика получает добавочную порцию в награду за щедрость хозяина. Не менее счастлива и кошка сборщика податей, хотя сборщик не дает, а требует деньги. Вот доверчиво прибегает черная кошечка с белым носиком, но — увы! — ее беспощадно отталкивают. Бедняжка не понимает, что случилось. Она получала печенку в течение долгих месяцев. Почему такая жестокая перемена? Но продавец печенки хорошо знает, в чем дело: ее хозяйка перестала ему платить. У него нет никаких книг, он руководствуется только памятью, и память его никогда не обманывает.

Кошки, не числившиеся, так сказать, в списках аристократии, дожидались на почтительном расстоянии, надеясь на счастливую случайность. В числе этих прихлебателей находилась одна серая жительница трущоб, бездомная кошка, пробавлявшаяся чем бог послал, тощая и грязная. Одним глазом она следила за тачкой, а другим поглядывала, не подстерегает ли ее собака. Десятки кошек удалились, получив свою долю печенки, а у нее все еще не было никакой наде-

жды на завтрак. Но вот большой кот, такой же бездомный, как и она, напал на одну из пенсионерок, чтобы отнять у нее добычу. Жертва выронила мясо, готовясь к обороне. Пока они дрались, серая трущобница схватила кусок и была такова.

Она проскользнула в боковую калитку, перескочила через заднюю стену, затем уселась, проглотила кусок печенки, облизулась и, блаженствуя, отправилась окольными путями к свалке, где на дне старого ящика от бисквитов дожидалось ее семейство. Вдруг она услышала жалобное мяуканье. Она помчалась к своим детенышам и увидела большого черного кота, преспокойно пожиравшего ее котят. Кот был вдвое больше ее, но она набросилась на него с такой яростью, что он, застигнутый на месте преступления, повернулся и бросился бежать. Из котят уцелел всего один — маленький серый котенок, похожий на мать, но с черными полосками на спинке и белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста.

Первые дни мать горевала безмерно. Но потом горе ее утихло, и вся любовь и забота сосредоточились на оставшемся в живых малыше. Черный кот, пожирая котят, конечно, не собирался сделать доброе дело, а между тем он оказался невольным благодетелем и матери и ее детеныша: легче выкормить одного котенка, чем нескольких. Ежедневные поиски пищи продолжались. Продавец печенки редко приносил ей счастье, но в мусорных ящиках всегда бывала картофельная шелуха, которой можно было заглушить голод.

Однажды ночью мать-кошка почуяла чудесный запах. Он доносился с реки. Этот запах привел кошку в док, а оттуда — на набережную. Услышав внезапное рычанье, она поняла, что путь к бегству отрезан ее давнишним врагом, собакой с верфи. Выбора не было: она перескочила на судно, с которого доносился чудесный рыбный запах. Собака осталась на берегу, и когда утром рыбацье судно отправилось в плавание, кошка поневоле отчалила на нем, и больше ее никто никогда не видел.

Напрасно дожидался матери трущобный котенок. Утро пришло и прошло. Котенок сильно проголодался. Перед вечером он пустился на поиски пищи. Он вылез из ящика и стал ползать по мусорным кучам, обнюхивая все, что казалось съедобным, но не находил ничего. Наконец он достиг деревянных ступенек, спускавшихся в подвальную лавку продавца птиц и животных Японца Мали. Дверь была приоткрыта. Котенок вступил в целый мир едких и странных запахов. Он увидел множество заключенных в клетки живых существ.

На ящике в углу сидел негр. Негр заметил маленького незнакомца и стал с любопытством следить за ним. Котенок миновал несколько клеток с кроликами, не обратившими на него внимания. Но вот он подошел к клетке с широкой решеткой, в которой сидела лисица. Знатная дама с пушистым хвостом находилась в самом дальнем углу клетки. Она прикинула к земле. Глаза ее загорелись. Котенок приблизился, принюхиваясь, к решетке, просунул голову внутрь, еще раз понюхал, затем двинулся к миске с едой — и в тот же миг был схвачен караулившей его лисицей. Послышалось испуганное «мяу!», и сразу кончилась бы кошачья жизнь, если бы не вмешался негр. Оружия у него не было, войти в клетку он не мог, но он запустил в морду лисицы такой решительный плевок, что та мгновенно выронила котенка и забилась в угол, мигая глазами от страха.

Негр вытащил котенка из клетки. Потрясение ошеломило его. Малютка был невредим, но словно одурманен. Он, шатаясь, сделал несколько шагов и стал понемножку приходить в себя. Несколько минут спустя он мурлыкал на коленях у негра. Тут в лавку вернулся Японец Мали. Японец Мали родился вовсе не в Японии, а в лондонском предместье. Но у него на месте глаз были такие крошечные прорезы, косо расставленные на плоском, круглом лице, что настоящее его имя

было забыто и все называли его Японцем. Он не был жесток к птицам и животным, которыми торговал. Он только соблюдал свою выгоду и знал, что ему нужно. Ему не был нужен трущобный котенок. Негр накормил малыша всласть, затем отнес его в отдаленный квартал и покинул там на дворе железного склада.

III

Одного обильного обеда вполне достаточно на два-три дня. Наевшийся котенок был очень оживлен и весел. Он обрыскал груды мусора, любопытно поглядывал на висевшие за окнами далекие клетки с канарейками, заглянул через забор, увидел большую собаку, потихоньку спустился обратно, разыскал защищенное местечко на самом припеке и проспал там целый час.

Его разбудило легкое фырканье. Перед ним стоял большой черный кот со сверкающими зелеными глазами. На одной щеке его белел рубец, и левое ухо было прорвано. Глядел он совсем неприветливо. Уши его шевелились, хвост подергивался, и в горле раздавалось глухое клокотанье. Котенок простодушно пошел к нему навстречу. Он не узнал губителя своих братьев. Черный кот потерся мордой о тумбу, затем медленно, спокойно повернулся и исчез. Последнее, что котенок увидел, был кончик его хвоста, подергивавшийся вправо и влево. И малыш никогда не узнал, что был так же близок к смерти, как в ту минуту, когда отважился войти в клетку лисицы.

Вечером котенок почувствовал голод. Он внимательно изучил длинный невидимый и разнородный поток воздуха, именуемый ветром. Выбрав наиболее интересное из его течений, он побрел ему навстречу, повинаясь указаниям носа. В углу двора оказался ящик с мусором, в котором ему удалось разыскать немного пищи. Поев, он напился из кадки с водой, стоявшей под краном. Всю ночь он старательно изучал

двор. Следующий день, как и предыдущий, он провел в сладком сне на солнышке.

Так шло время.

Иногда он находил в мусорном ящике целый обед, иногда ничего не находил. Однажды он застал там большого черного кота, но осторожно удалился, прежде чем тот успел его заметить. Кадка с водой почти всегда стояла на своем месте, а когда ее уносили, на камне под краном оставались мутные лужицы. Но мусорный ящик был чрезвычайно ненадежен. Однажды он на целых три дня оставил котенка без еды. Малыш пошарил вдоль забора и, отыскав небольшое отверстие, вылез на улицу. Не успел он как следует оглядеться, как вдруг что-то ринулось, зашумело: на него налетела с размаху большая собака. Котенок едва успел проскочить обратно на двор сквозь дыру в заборе. Он был страшно голоден. К счастью, он нашел немного картофельной шелухи, слегка заглушившей его мучения. Утром он не лег спать, а снова отправился на промысел.

Во дворе щебетали воробьи. Они и прежде бывали здесь, но теперь котенок глядел на них другими глазами. Неотступное чувство голода пробудило в нем хищнические инстинкты. Теперь эти воробьи были добычей, были пищей. Котенок припал к земле и стал подкрадываться к воробьям. Много раз он повторял попытку, но безуспешно: воробьи были проворнее его и всегда улетали во-время. Наконец он понял, что хотя воробьи — пища, но пища недосыгаемая.

На пятый день этого незадачливого житья трущобный котенок снова отправился на улицу, надеясь чего-нибудь поесть. Когда он отошел на порядочное расстояние от щели в заборе, несколько маленьких мальчиков принялись обстреливать его кирпичами. Он пустился бежать. К погоне присоединилась собака. Положение беглеца становилось безнадежным. Но вдруг он увидел железную решетку перед фасадом дома и укрылся за нею, еле успев увернуться от собаки. В окне наверху показалась женщина, прикрикнув-

шая на собаку. Она бросила бедняжке обрезок мяса, и котенок полакомился, как никогда еще в жизни. Затем он забился под навес, просидел там до тех пор, пока наступившая ночь не принесла с собой покоя, и тогда, словно тень, проскользнул обратно в свой двор.

Такая жизнь длилась два месяца. Котенок вырос, возмужал и хорошо изучил опасности. Он познакомился с Даун-стрит, где каждое утро появлялись ряды мусорных ящиков. Для него большой дом был складом мусорных ящиков, всегда полных лучшими рыбными отбросами. Он вскоре познакомился также с продавцом печенки и примкнул к робкой стае кошек, за которых никто не платил. Пришлось ему встретиться и с собакой с верфи и с другими страшными псами. Он узнал, как они злы, и научился их избегать.

Вскоре, к своему счастью, он изобрел новый промысел. Многие кошки топтались в напрасной надежде вокруг заманчивых бидонов с молоком, которые оставляет по утрам на порогах и подоконниках молочник. Счастливая случайность однажды натолкнула нашего котенка на бидон со сломанной крышкой. Это научило его поднимать и целые крышки и напиваться всласть. Откупорить бутылку он, разумеется, не мог, но ему немало попадалось бидонов с плохо прилегающей крышкой. Наш котенок усердно разыскивал такие бидоны. Мало-помалу он изучил весь свой квартал. Проникая все дальше, он наконец снова очутился среди бочонков и ящиков заднего двора, за лавкой Японца Мали.

Двор железного склада всегда оставался для него чужим, но тут в нем сразу проснулось чувство собственности, и он отнесся с негодованием к появлению другого котенка. С угрожающим видом он двинулся к пришельцу. Дело уже дошло до фырканья и урчанья, когда выплеснутое из верхнего окна ведро воды залило обоих и основательно охладило их пыл. Они бросились в разные стороны: незнакомец — через стену, а трущобный котенок — под тот самый ящик, в котором он родился. Эти задворки были необычайно милы его

сердцу, и он вновь обосновался здесь на жительство. В этом дворе пищи было так же мало, как в прежнем, и вовсе не было воды, но зато его посещали вкуснейшие мыши. Благодаря этим мышам наш котенок скоро нашел себе друга.

IV

К этому времени котенок превратился уже в большую красивую кошку, пятнистую, словно тигр. Ее бледносерую шкурку украшали черные полосы, а четыре белых пятна на носу, хвосте и ушах придавали ей чрезвычайно изящный вид. Несмотря на то что она отлично умела отыскивать пищу, ей иной раз приходилось голодать по нескольку дней, и тогда она снова безуспешно принималась охотиться за воробьями. Она была совсем одинока.

Однажды в августе, когда киска нежилась на солнце, она увидела большого черного кота, который шел прямо к ней. Она тотчас узнала его по рваному уху, попятилась к своему ящику и спряталась в нем. Черный осторожно двигался вперед, легко перепрыгнул со стены на сарай в конце двора и стал переправляться через его крышу, как вдруг перед ним вырос желтый кот. Черный уставился на него с рычаньем, желтый отвечал тем же. Хвосты их злобно извивались. Крепкие глотки рычали и урчали. Они приблизились друг к другу с прижатыми к затылку ушами, с напряженными мускулами.

— Яу-яу-яу! — сказал черный.

— Уау-у-у! — прозвучал в ответ здоровенный бас.

— Я-уау-уау-уау! — сказал черный, придвигаясь на четверть дюйма ближе.

— Яу-у-у! — ответил желтый. Выпрямившись во весь рост, он с необычайным достоинством сделал шаг вперед. — Яу-у! — И он ступил еще раз, хлеща себя по бокам хвостом.

— Я-уау-яу-у! — взвизгнул черный, повышая тон, и отступил на осьмушку дюйма перед широкой непреклонной грудью противника.

Вокруг открывались окна, слышались людские голоса, но кошачья ссора не прерывалась.

— Яу-яу-у! — загремел желтый, понижая голос по мере того, как голос черного повышался. — Яу! — И он шагнул вперед.

Теперь между их носами было каких-нибудь три дюйма. Они стояли боком, оба готовые вцепиться друг в друга, но дожидаясь, чтобы начал враг. Минуты три они молча пожирали друг друга глазами, неподвижные, как изваяния; шевелились только кончики их хвостов.

Затем желтый начал снова:

— Я-у-у! — низким басом.

— Я-а-а-а! — завизжал черный, стараясь вселить ужас своим воплем, но в то же время отступая на одну шестнадцатую дюйма.

Желтый ступил вперед на полдюйма. Теперь усы их смешались. Еще шаг — и носы их чуть не столкнулись.

— Я-у-у! — злобно прорычал желтый.

— Я-а-а-а-а! — взвизгнул черный, отступая на тридцать вторую часть дюйма.

Желтый воин ринулся вперед и вцепился в него.

О, как они кувыркались, кусались и царапались! Как они кусали, таскали и мяли друг друга! Особенно отличался желтый.

Кубарем, через голову, иногда один сверху, иногда другой, но чаще желтый, они катились все дальше и дальше, пока не свалились с крыши под радостные крики зрителей, толпившихся у окон. Даже во время падения они продолжали мять и царапать друг друга. Особенно больно царапался желтый.

Когда они коснулись земли, верхним оказался желтый. И когда они наконец расстались, каждому досталось вдоволь, и в особенности черному. Он взобрался на стену и, ворча, истекая кровью, исчез, в то время как от окна к окну передавалась весть, что наконец-то Оранжевый Билли как следует отдул Черного Нига.

Либо желтый кот был очень искусный сыщик, либо трущобная киска не слишком усердно пряталась, но он нашел ее среди ящиков, и она не пыталась бежать. Ничто так не покоряет женское сердце, как победа на поле боя. Желтый кот и киска вскоре подружились. Не то чтобы они делили жизнь и пищу — это не в обычае у кошек — они только признавали друг за другом особые приятельские права.

V

Сентябрь прошел. Наступили короткие октябрьские дни, когда в старом ящике из-под бисквитов произошло важное событие. Если бы сюда явился Оранжевый Билли, он увидел бы пятерых котят, свернувшихся в объятиях своей матери, маленькой трущобной кошечки. Настало и для нее счастливое время. Она испытывала величайший восторг, она облизывала их с нежностью, удивившей бы ее самое, если бы она только была способна рассуждать.

В ее безрадостную жизнь вошла радость, но прибавилось также и забот. Теперь все ее силы уходили на поиски пищи. Заботы увеличивались по мере того, как росли котята. Через шесть недель они начали вылезать из ящика и лазили всюду каждый день, как только мать уходила на промысел.

В трущобном мире хорошо известно, что беда идет тучей, а счастье — полосой. Киска пережила три схватки с собаками и получила несколько кирпичей от негра — слуги Японца Мали. Затем произошел перелом. На следующее же утро она нашла молочный бидон без крышки, успешно ограбила одного из пенсионеров тачки и отыскала большую рыбу голову — все это в каких-нибудь два часа. Возвращаясь домой с тем чувством безмятежного покоя, какое может дать один только полный желудок, она увидела у себя на дворе маленькое коричневое существо. Киска вспомнила прежние свои охоты. Она убила и съела не одну мышь на своем веку и решила, что этот коричневый

зверь, вероятно, крупная мышь с коротким хвостом и большими ушами.

Она подкрадывалась к нему с ненужной осторожностью. Маленький кролик только выпрямился и, казалось, потешался над нею. Он и не пытался бежать, и кошка без труда схватила его.

Так как ей не очень хотелось есть, она отнесла его к ящику и бросила на кучу котят. Ему не очень было больно. Он скоро оправился от страха и, видя, что не может выбраться из ящика, пристроился к котяткам. Когда же они начали ужинать, он без колебаний присоединился к ним. Кошка опешила. Охотничий инстинкт одержал было верх над всем остальным, но она была сыта, и это спасло кролика. В нашей киске проснулся материнский инстинкт, и она стала кормить кролика своим молоком.

Кролик сделался членом семьи и стал пользоваться уходом и пищей наравне с котятками.

Прошло две недели. Котята весело резвились среди ящиков в отсутствие матери, кролик же не мог выбраться наружу. Увидав котят на заднем дворе, Японец Мали приказал своему негру перестрелять их, что тот и проделал в одно прекрасное утро, вооружившись двадцатидвухдюймовой винтовкой. Он застрелил одного за другим всех котят. Вдруг на стене показалась взрослая кошка с крысой в зубах. Он готовился застрелить также и ее, но вид крысы изменил его намерение: кошка-крысолов достойна жить.

Эта крыса оказалась первой, когда-либо пойманной нашей киской, но она спасла ей жизнь. Кошка пробралась через кучи хлама к ящику, но, к ее удивлению, ни один из котят не явился на зов. А кролик отказывался есть крысу. Она стала кормить его молоком, продолжая время от времени звать своих котят. Негр подкрался к ящику и, заглянув в него, увидел, к величайшему изумлению, что в нем находятся кошка, живой кролик и мертвая крыса.

Мать-кошка пригнула назад уши и зарычала.

Негр удалился, но минуту спустя на ящик опустилась доска, и ящик вместе с его обитателями, живыми и мертвыми, был препровожден в подвал.

— Смотри-ка, хозяин, вот где кролик, который пропал! А ты-то думал, что я его украл!

Кошку с кроликом поместили в большую железную клетку и в течение нескольких дней выставляли как образец счастливого семейства.

Кролик вскоре захворал и умер. А кошка ни на минуту не чувствовала себя счастливой в клетке, хотя ей вдоволь давали есть и пить. Она тосковала в неволе и, весьма вероятно, добилась бы скоро свободы или смерти. Но, к своему несчастью, во время четырехдневного заключения в клетке она так хорошо отмыла свою шкурку и шерсть ее оказалась такого необычайного цвета, что Японец решил оставить ее у себя.

Жизнь вторая

VI

Японец Мали был самый плутоватый из сынов лондонского предместья, когда-либо торговавших дешевыми канарейками в подвальном этаже. Он был очень беден, и негр жил с ним потому только, что уроженец Лондона соглашался делить с ним стол и кровать и вообще считал его равным себе, в то время как американцы обращаются с неграми, словно с собаками.

Японец считал себя честным человеком, хотя всем было известно, что зарабатывал он укрывательством краденых собак и кошек. С полдюжины канареек служили просто-напросто ширмой. Однако Японец не унывал. Он по-своему был не лишен честолюбия и любил, чтобы его считали знатоком своего дела. Однажды он даже отважился представить кошку на великосветскую выставку общества Никербокер, руководясь тремя довольно-таки смутными целями:

во-первых, для удовлетворения своего самолюбия; во-вторых, ради дарового входа на выставку; а в-третьих, «надо, знаете ли, присматриваться к дорогим кошкам, если уж занимаешься кошачьим делом». Но выставка была великосветская, и жалкая ангорская полукровка была отвергнута с негодованием.

Единственными интересными для Японца газетными столбцами были те, где помещались объявления о пропаже и находке собак и кошек. Однажды он вырезал и сохранил заметку «о продаже кошек на мех». Этот клочок бумаги был пришпилен к стене лавчонки, и он заставил Японца приняться за жестокий опыт над трущобной кошкой. Прежде всего он вымазал ее грязную шкуру особым снадобьем для уничтожения насекомых. Затем основательно вымыл ее в теплой воде с мылом, невзирая на вопли, когти и зубы. Киска была в ярости. Но когда она стала подсыхать, шерсть ее распушилась, сделалась необыкновенно чистой и мягкой. Японец и его помощник были очень довольны своим опытом. Впрочем, это было только начало: самый опыт еще предстоял впереди. «Для улучшения меха успешнейшим средством является обилие маслянистой пищи и постоянное пребывание на холодном воздухе», — гласила газетная заметка.

Зима была уже на носу, и Японец Мали выставил клетку киски во двор, защитив ее только от дождя и ветра. Он принялся кормить ее сколько влезет жмыхами и рыбьими головами.

Через неделю уже наступила заметная перемена. Кошка с каждым днем становилась сытее и пушистее; ей нечего было делать, как только набираться жиру и ухаживать за своей шерсткой. Клетка содержалась в чистоте, и так как природа, откликаясь на холодную погоду и маслянистую пищу, делала кошачью шубку с каждым днем все пышнее и блестящее, к половине зимы трущобная киска превратилась в кошку редкостной красоты, с чудесной, пушистой шерстью, разрисованной прекрасными полосами. Японец был очень доволен результатом опыта и возмечтал о небывалой

славе. Почему бы не послать киску на приближающуюся выставку? Но после прошлогодней неудачи он стал осторожнее.

— Видишь ли, Сэмми, — сказал он негру, — предлагать ее как бродячую кошку не годится. Но мы умаслим Никербокеров. Прежде всего необходимо хорошее имя. Ты понимаешь сам, что здесь нужно что-нибудь «королевское», — ничем так не проймешь Никербокеров, как чем-либо «королевским». Что ты скажешь, например, о Королевском Дике или Королевском Саме? Однако постой, это все мужские имена. Скажи-ка, Сэмми, как звали тот остров, где ты родился?

— Остров Аналостан был моей родиной, сэр.

— Здóрово! Королевская Аналостанка, чорт возьми! Единственная Королевская Аналостанка с аттестатом на всей выставке. Умора, да и только!

И оба захохотали во все горло.

— Придется только заготовить аттестат.

И друзья принялись за сочинение подробной поддельной родословной.

Однажды в сумерки, украсившись взятым напрокат цилиндром, Сэм вручил кошку и ее аттестат распорядителям выставки. Ведение переговоров предоставлено было негру. Он был когда-то цырюльником на Шестой авеню и умел держаться гораздо солиднее и важнее, чем Мали. Это и было, вероятно, одной из причин, почему Королевская Аналостанка встретила почтительный прием на кошачьей выставке.

Японец очень чванился тем, что его кошка попала на выставку. В нем жило благоговение лондонского лавочника перед высшим обществом. И когда в день открытия он подошел к входу, у него дух занялся при виде целого моря экипажей и цилиндров. Привратник зорко взглянул на него, но, увидев билет, пропустил, вероятно приняв его за конюха какого-нибудь важного барина, выставившего кошку. В зале перед длинными рядами клеток лежали бархатные ковры. Японец осторожно крался вдоль стен и, поглядывая на кошек

разных пород, отмечая голубые и красные бантики, выискивал свою кошку, но не смел спросить о ней и трепетал в душе при мысли, что подумает это пышное великосветское сборище, если узнает, какую он сыграл с ними шутку.

Он видел много премированных животных, но никак не мог найти свою трущобную кошку. Он пробирался сквозь толпу, но киски все не было видно. Японец решил, что произошла ошибка: вероятно, судьи в конце концов отказались ее принять. Зато он получил свой входной билет и знает теперь, кому принадлежат ценные персидские и ангорские кошки.

Посреди центрального зала помещались первоклассные кошки. Вокруг них собралась целая толпа. Вдоль зала были протянуты веревки, и два полицейских следили за тем, чтобы толпа не задерживалась на месте. Японец пробрался в самую давку. Он был слишком мал ростом, чтобы заглянуть через плечи, и хотя расфранченная публика сторонилась его отрепьев, он все же никак не мог протиснуться к средней клетке. Однако он понял из замечаний окружающих, что здесь находится самый гвоздь выставки.

— Ну, не красавица ли? — сказала высокого роста женщина.

— Что за изящество! — был ответ.

— Это ленивое выражение глаз создано веками утонченной жизни.

— Приятно бы иметь у себя это великолепное создание!

— Сколько достоинства! Сколько спокойствия!

— Говорят, ее родословная доходит чуть ли не до фараонов.

И бедный, грязный маленький Японец подивился собственной смелости. Неужели ему действительно удалось втиснуть свою трущобницу в такое общество?

— Виноват, сударыня! — Показался директор выставки, пробравшийся сквозь толпу. — Здесь находится художник «Спортивной газеты», которому заказано сделать набросок с «жемчужины выставки»

для немедленного опубликования. Могу ли попросить вас немножко посторониться? Вот так, благодарю вас.

— О господин директор, не можете ли вы уговорить продать это великолепное существо?

— Гм, не знаю, — был ответ. — Насколько мне известно, хозяин — человек с большими средствами, и к нему приступить трудно. А впрочем, попробую, сударыня, попробую. Как мне сказал его дворецкий, он насилу согласился выставить свое сокровище... Послушайте-ка, куда вы лезете? — заворчал директор на обтрепанного человека, нетерпеливо оттеснившего художника от аристократического животного.

Но обтрепанный человек хотел во что бы то ни стало узнать, где водятся породистые кошки. Он мельком взглянул на клетку и прочел ярлык, гласивший, что «голубая лента и золотая медаль выставки общества Никербокер выданы чистокровной, снабженной аттестатом Королевской Аналостанке, вывезенной и выставленной известным любителем Я. Мали, эсквайром. (Не продается.)» Японец перевел дух и снова взглянул. Да, сомнений нет: там, высоко, на бархатной подушке, в золоченой клетке, под охраной четырех полицейских, красуясь бледносерой с яркочерными полосами шубкой, чуть-чуть прижмурив голубоватые глаза, лежала его трущобная киска. Ей было очень скучно. Она не ценила поднятого вокруг нее шума.

VII

Японец Мали целыми часами простаивал около клетки, угиваясь своей славой. За всю свою жизнь впервые он так прославился. Такая слава ему никогда даже не снилась. Однако он понял, что будет разумнее держаться в тени и предоставить ведение дела своему «дворецкому».

Всем своим успехом выставка была обязана трущобной киске. С каждым днем цена кошки росла в глазах ее владельца. Он не имел понятия о тех ценах, какие иной раз выручаются за кошек, и думал, что

содрал целое состояние, когда его «дворецкий» дал директору разрешение продать Аналостанку за сто долларов.

Вот каким образом случилось, что трущобница переселилась с выставки в роскошный дом на Пятой авеню. Она сразу выказала необъяснимую дикость. Однако ее нелюбовь к ласкам была истолкована как аристократическое отвращение к фамильярности. Бегство от комнатной собачки на середину обеденного стола объяснялось прирожденным стремлением избежать оскверняющего прикосновения. Покушения на домашнюю канарейку объяснялись жестокостью, которая царит на ее родном Востоке. Ее барские ухватки при открывании бидона с молоком снискали ей всеобщее восхищение. Нежелание спать в подбитой шелком корзине и частые столкновения с оконными стеклами доказывали только, что корзинка недостаточно нарядна, а зеркальные стекла недостаточно прозрачны. Частые, но неудачные попытки поймать воробья, порхавшего в огороженном высокой стеной саду, служили лишним доказательством непрактичности королевского воспитания, а посещения мусорного ящика — только простительным чудачеством высокорожденной особы.

Киску угощали и ласкали, однако она не была счастлива. Киска тосковала по родине. Она теребила голубую ленту на шее, пока не избавилась от нее; билась в оконные стекла, потому что они казались ей дорогой на улицу; избегала людей и собак, потому что люди и собаки были ее старыми врагами. Она подолгу сидела у окна, с тоской разглядывая крыши и задние дворы. Как бы ей хотелось снова вернуться к ним!

Но за ней строго следили, никогда не выпускали во двор. Тем не менее в один мартовский вечер Королевская Аналостанка улучила минутку, когда мусорные ящики выставлялись во двор, выскользнула за дверь и была такова.

Нечего и говорить о происшедшем переполохе. Но киска не знала и знать не хотела о нем. Она думала

только о том, как бы поскорее добраться домой. После многих незначительных приключений она очутилась возле Грамерси-Грэндж-Хилла. Что же было потом? Домой она не попала, а, с другой стороны, лишилась верного куска хлеба. Голод уже давал себя знать, но, несмотря на все, она испытывала странную радость.

Некоторое время она прождала, притаившись в палисаднике одного дома. Поднялся резкий восточный ветер и принес ей дружескую весть. Люди называли бы эту весть скверным запахом с набережной, но для нашей кошки это была желанная весточка из дому. Она побежала рысью вдоль длинной улицы по направлению на восток, держась вблизи домовых решеток, изредка замирая на месте, как изваяние, и наконец достигла набережной и воды. Но место оказалось ей незнакомым. Можно было повернуть и на юг и на север. Что-то заставило ее повернуть к югу, и, лавируя между собаками, повозками и кошками, извилинами бухты и прямыми решетками, она очутилась часа через два среди привычных запахов. Солнце еще не встало, когда она проползла, усталая и охромевшая, сквозь ту же старую щель на задворки птичьей лавки — в тот самый ящик, в котором родилась. О, если бы семейство с Пятой авеню могло увидеть ее в обстановке ее «родного Востока»!

Отдохнув как следует, она подошла к ступеням знакомого подвала, разыскивая пищу. Дверь отворилась, и на пороге появился негр. Он крикнул хозяину-торговцу:

— Слышь-ка, хозяин, поди сюда! Королевская Аналостанка вернулась домой.

Когда Японец вышел на порог, кошка перескакивала через крышу. Оба принялись звать громкими и в то же время умильными, заискивающими голосами: «Кис-кис! Бедная киска! Иди сюда, киска!» Но киске они не нравились, и она отправилась в прежние свои дебри.

Королевская Аналостанка оказалась для Японца

настоящим кладом. На полученные за нее сто долларов он купил немало новых пленников и всяких нужных вещей. Поимка «ее величества» казалась ему поэтому чрезвычайно важным делом. Пустили в ход протухшую говядину и прочие неотразимые приманки, и в конце концов киска, измученная голодом, подкралась к большой рыбьей голове, положенной в ящик с ловушкой. Негр дернул веревку, крышка захлопнулась, и минуту спустя Королевская Аналостанка снова была водворена среди пленников подвала. Между тем Японец погрузился в газетные объявления. Вот оно: «5 долларов награды» и т. д. В тот же вечер «дворецкий» мистера Мали явился в отель на Пятой авеню с пропавшей кошкой.

— Поклон от мистера Мали, сэр. Королевская Аналостанка возвратилась к своему прежнему владельцу, сэр. Мистер Мали очень рад вернуть вам Королевскую Аналостанку, сэр.

Разумеется, не могло быть и речи о вознаграждении мистера Мали, но «дворецкий» дал понять, что охотно примет обещанную награду «на чай».

Надзор за киской после этого усилился. Но вместо того чтобы разочароваться в прежней голодной жизни и радоваться уютному углу, она становилась все более дикой и раздражительной.

VIII

Весна трудилась изо всех сил, насколько это только возможно в Нью-Йорке. Грязные воробьи дрались и барахтались под водосточными трубами. Коты вопили по ночам на крышах, а семейство с Пятой авеню подумывало о переезде на дачу. Уложили вещи, заперли дом и отправились в деревню, взяв с собой киску в корзине.

— Как раз то, что ей нужно: перемена воздуха и обстановки отвлечет ее от разлуки с прежними хозяевами, и она будет счастлива.

Корзину поставили в дорожный ящик за каретой. В нее проникали мимолетные звуки и запахи и сразу

же исчезали. Карета переменяла направление. Затем послышался топот многих ног, корзина снова закачалась. Короткая остановка, новая перемена направления, щелканье, хлопанье, продолжительный и резкий свисток, звонки, грохот, шипенье, неприятный запах; отвратительный запах, ужасный, ненавистный, удушливый запах, убийственный, ядовитый смрад. Грохот заглушил вопли бедняжки — она задышалась от недостатка воздуха. И вдруг снова явился свет, явился воздух. Затем человеческий голос прокричал: «Вынуть багаж!» Для киски это был, разумеется, только бессмысленный человеческий рев.

Грохот замер.

Немного погодя тряска возобновилась. Снова множество звуков и колыханий, но без ядовитого смрада. Она услышала глухое мычанье коров. Вот приятный речной запах. Опять толчки, крики, скрипы, остановки, щелканье, хлопанье, вонь, прыжки, потряхиванья. Затем новые запахи, еще толчки — большие толчки, малые толчки, — газ, дым, визг, звон, дрожь, вопли, громы. И опять новые запахи, стуки, колыхания, грохот. Снова запахи. Наконец остановка. Свось крышку корзинки уже просвечивали солнечные лучи. Королевскую кошку переместили в дорожный ящик старомодного фасона. Переменив направление, колеса загремели по другой дороге. Прибавился новый и ужасный звук — лай собак, совсем близко, над самым ухом. Корзинку открыли, и трущобная кошка оказалась на даче.

Окружающие были добры до навязчивости. Всем хотелось угодить королевской особе, но почему-то никому это не удавалось, кроме большой жирной кухарки. С кухаркой киска познакомилась на кухне. Запах этой жирной женщины напоминал запах трущоб, и Королевская Аналостанка сразу заметила это. Узнав, что хозяева боятся, как бы кошка не удрала, кухарка обещала приручить ее. Она проворно схватила недоступное божество в передник и совершила ужасное кошунство — смазала ей пятки салом. Киска, разумеется, возмутилась. Однако, когда ее отпустили на

волю, она принялась облизывать лапки и нашла в этом некоторое удовлетворение. Она лизала все четыре лапы в течение целого часа, и кухарка торжественно объявила, что «теперь уж киска наверняка останется». И точно, киска осталась, но зато обнаружила поразительное и возмутительное пристрастие к кухне, кухарке и помойному ведру.

Хотя хозяева и сокрушались по поводу этих аристократических чудачеств, они тем не менее рады были видеть Королевскую Аналостанку довольной и доброй.

Спустя одну-две недели ей стали предоставлять несколько больше свободы. Ее охраняли от малейшей неприятности. Собаки научились уважать ее. Ни один человек, ни один мальчик в околоте не смел швырнуть камнем в знаменитую кошку с аттестатом. Пищи ей давали вдоволь, и все же она была несчастна. Ей смутно хотелось многого; она сама не знала чего. У нее было все, но ей хотелось чего-то другого. У нее было много еды и питья, но у молока совсем не тот вкус, когда можно пойти и лакать сколько угодно из блюдечка. Надо выкрасть его из жестяного бидона, когда подвело живот от голода и жажды, а то в нем не будет того смака — не молоко это, да и только.

Правда, за домом находился большой двор, но он весь был опоганен и отравлен розами. Даже лошади и собаки пахли не так, как следует. Вся страна была сплошной пустыней, состоящей из противных садов и лугов, без единого жилья, без единой печной трубы. Как все это было ей ненавистно! Во всей ужасной усадьбе был один только благоуханный кустик, и тот скрывался в заброшенном углу. Она с удовольствием пощипывала его листочки и валялась на нем. Это было единственное приятное место в усадьбе, ибо с самого приезда она не видела ни одной тухлой рыбьей головы, ни одного мусорного ящика.

Дачная местность казалась ей гнусной, некрасивой страной. Она, несомненно, удрала бы в самый первый вечер, если бы была на воле. Но воля пришла много

недель спустя, а тем временем она подружилась с кухаркой. Однако в конце лета произошли события.

В деревенскую усадьбу привезли большой тюк товара из порта. Он весь пропитался острейшими и пленительнейшими ароматами порта и трущоб, и прошлое киски властно возникло перед нею. А на следующий день кухарку рассчитали и выгнали из дома. После ее ухода кошка совсем осиротела. В тот же вечер младший сын хозяйки, скверный маленький американец, лишенный всякого чувства уважения к королевской крови, задумал привязать жестянку к хвосту аристократки. Киска ответила на эту вольность движением лапки, вооруженной пятью большими рыболовными крючками. Вой оскорбленной Америки взорвал американскую мать. Киска каким-то чудом увернулась от запущенной в нее с чисто женской ловкостью книжки и бросилась бежать. Побежала она, разумеется, наверх. Крыса, когда ее гонят, бежит вниз, собака — прямо, кошка — кверху.

Она притаилась на чердаке, укрылась от преследования и дождалась ночи. Тогда, проскользнув вниз по лестнице, она перепробовала все двери одну за другой, пока не нашла отпертую, и погрузилась в черную августовскую ночь. Черная, как смола, для человеческих глаз, для нее она была только серой. Беглянка прокралась между кустами и клумбами, щипнула на прощанье привлекательное растение в саду и отважно пустилась отыскивать свою родину.

Как найти дорогу, которую она никогда не видала? В каждом животном живет чувство направления. Оно очень слабо у человека и очень сильно у лошади. У кошек оно могущественно. Этот таинственный путеводитель направил ее на запад. Через час она уже сделала две мили и достигла реки Гудзона. Обоняние несколько раз убеждало ее, что она избрала правильный путь. Припоминался один запах за другим, точно так же, как человек, пройдя незнакомую улицу, сразу забывает ее, но, увидав ее вторично, внезапно что-то припомнит и скажет себе: «Ну да, я уже был здесь однаж-

ды». Итак, главным вожаком киски было чувство направления, а нос все время ободрял ее: «Да, теперь верно, здесь мы проезжали прошлой весной».

Жизнь третья

IX

Кошки могут очень быстро влезть на дерево или на стену, но в долгом ровном беге первенство остается не за кошачьей припрыжкой, а за собачьей рысью. Несмотря на ровную дорогу, прошел целый час, прежде чем она удалилась еще на две мили.

Она устала и немножко захромала. Бедняжка собиралась уже расположиться на покой, как вдруг по ту сторону забора раздался ужасающий собачий лай. Киска в страхе рванулась вперед и побежала изо всех сил вдоль по дороге, посматривая в то же время, не может ли собака пролезть сквозь забор. Нет, пока еще нет! Но собака скакала рядом с ней, оглушительно рыча, и кошка переправилась на другую сторону улицы. Собачий лай превратился в глухой грохот, в рев, в ужасающий гром. Блеснул огонь. Киска оглянулась и увидела — не собаку, а надвигавшегося на нее огромного черного зверя с одним-единственным красным глазом — зверя, визжавшего и пыхтевшего, как полный двор кошек. Киска напрягала все свои силы, мчалась с небывалой скоростью, но не решалась перескочить через забор. Она бежала, летела... Все напрасно: чудовище настигло ее, но промахнулось в темноте и помчалось мимо, затерявшись в пространстве, в то время как киска, задыхаясь, припала к земле на полмили ближе к дому, чем была до встречи с собакой.

Это было ее первое знакомство с неизвестным чудовищем. Впрочем, она узнала его по запаху. Она уже встречалась с ним, когда ехала в корзине на дачу. Страх, внушаемый ей этими чудовищами, значительно

убавился: она убедилась, что они очень бестолковы и никогда не поймают ее, стоит только залечь под забором и притаиться. Прежде чем наступило утро, она повстречала их несколько, но осталась невредимой.

На рассвете ей подвернулся славный грязный двор, и в куче золы удалось отыскать немного съедобных отбросов. День она провела возле конюшни, где жили две собаки и множество мальчишек, едва не убивших ее. Здесь было очень похоже на родину, но она не собиралась оставаться. Старое стремление неудержимо влекло ее, и с наступлением сумерек она снова пустилась в путь.

Мимо нее весь день пробегали одноглазые громовики. Но она теперь освоилась с ними и продолжала бесстрашно бежать всю ночь. Следующий день она провела в амбаре, где ей удалось поймать мышь; ночь прошла приблизительно так же, как и предыдущая, с той разницей, что ей повстречалась собака, которая загнала ее далеко назад. Несколько раз ее сбивали с пути перекрестки, и она забиралась далеко в сторону, но постоянно возвращалась к прежнему направлению. Дни проходили в отыскивании пищи и увертываниях от собак и ребятишек, а ночи — в путешествии по дороге. Беглянка начинала уставать, однако она все двигалась вперед, миля за милей к югу, все к югу. Собаки, мальчишки, громовики, голод... Собаки, мальчишки, громовики, голод... А она плелась все вперед и вперед, и нос время от времени ободрял ее: «Этот самый запах мы чуяли прошлой весной».

Х

Так прошла неделя, и киска, грязная, хромая, без ленточки, достигла Гарлемского моста. Несмотря на прекрасный запах, мост ей не понравился. Она полночи пробродила взад и вперед по берегу, не узнав ничего интересного, за исключением того, что мужчины так же опасны, как и мальчишки. Пришлось поневоле возвратиться к мосту. Запахи его казались ей чем-то

родственным, а когда по нему пробегал одноглазый громовик, поднимался тот глухой грохот, который она слышала во время своего весеннего путешествия.

Вокруг царила ночная тишина, когда кошка вскочила на ряд бревен и понеслась по мосту над водой. Она не пробежала еще и третьей части пути, когда с противоположного конца моста на нее с ревом ринулся гремящий громовик. Она сильно перепугалась, но, зная глупость и слепоту громовика, прильнула к перилам и замерла. Бестолковое чудовище, разумеется, промахнулось и пролетело мимо, и все было бы хорошо, да только оно завернуло обратно или другое, подобное ему, внезапно запыхтело у нее за спиной.

Киска сломя голову пустилась вперед. Быть может, она и достигла бы противоположного берега, если бы с этой стороны на нее с воплем не бросился третий красноглазый зверь. Она бежала изо всех сил, но оказалась между двух огней. Не оставалось ничего, кроме отчаянного прыжка с моста в неизвестность. Вниз, вниз, вниз... Плеск, плеск — и она погрузилась в глубокую воду, еще не холодную в августе, но, ах, какую противную! Она всплыла на поверхность, кашляя и отплевываясь, оглянулась посмотреть, не гонятся ли за ней чудовища, и поплыла к берегу. Она никогда не училась плавать, а между тем плыла по той простой причине, что положение и движения кошки при плавании те же, что и при ходьбе. Попав в неприятное ей место, она, естественно, попыталась выплыть и в результате поплыла к берегу. К которому же? Любовь к родине никогда не обманывает: единственным берегом для нее был южный, ближайший к дому. Мокрая, она вскарабкалась на илистый берег и пробралась между грудями угля и кучами сора, черная, замазанная и совсем не царственная, а самая обыкновенная трущобная кошка.

Немного оправившись от потрясения, королевская трущобница почувствовала, что ванна пошла ей впрок. Ей стало тепло, и у нее появилось гордое сознание победы — ведь она перехитрила трех больших чудовищ.

Нос, память и чувство направления склоняли ее вернуться к старому следу, но прямой путь кишел одноглазыми громовиками, и осторожность заставила ее пойти по речному берегу, который своей вонью напоминал ей о родине. Так она избежала повторения невыразимых ужасов моста.

Более трех дней ушло на изучение различных опасностей набережных Восточной реки. Однажды она по ошибке попала на паром, который перевез ее на Долгий остров, но вернулась оттуда с первым обратным паромом. Наконец, на третью ночь, она достигла знакомого места, пройденного ею в ночь первого своего бегства. Отсюда путь был быстрый и надежный. Она в точности знала, куда идет и как добраться до дому. Беглянка прибавила шагу; на сердце стало веселее. Еще немного — и она свернется клубочком в ящике на своем «родном Востоке» — заднем дворе.

Еще один поворот—и она увидит знакомые здания

Но что это? Всех зданий как не бывало! Киска не верила своим глазам, но поневоле пришлось им поверить. Там, где прежде толпились дома, виднелась пустынная путаница кирпичей, хлама и ям.

Киска обошла вокруг. Она знала по цвету мостовой, что достигла своей родины, что именно здесь жил продавец птиц, здесь находился старый двор. Но все это исчезло безвозвратно, унеся с собой все привычные запахи, и сердце бедняжки сжалось от полной безнадежности. Любовь к родине была главным ее двигателем. Она пожертвовала всем на свете, чтобы вернуться к дому, который перестал существовать, и впервые ее отважное сердечко переполнилось отчаянием. Она обошла безмолвные кучи сора и не нашла ни утешения, ни пищи.

Разорение захватило несколько кварталов и дошло до самой реки. Это не был пожар: киска однажды видела пожар и знала, как он выглядит. Скорее это было похоже на работу целого стада красноглазых чудовищ. Киска не подозревала о большом мосте, который собирались воздвигнуть на этом самом месте.

С восходом солнца она принялась искать пристанища. Один из соседних кварталов сохранился почти в первоначальном виде, и Королевская Аналостанка решила приютиться там. Ей были известны некоторые из тамошних ходов и выходов. Но, перебравшись туда, она была неприятно поражена обилием кошек, изгнанных, подобно ей, со старого местожительства. Теперь на каждый мусорный ящик приходилось по нескольку кошек. Это означало голод, и киска, потерпев несколько дней, была вынуждена отправиться на розыски своего другого дома, на Пятой авеню. Она застала его запертым и пустым. Прокараулив там целый день, она поссорилась с высоким человеком в синем пальто и на следующий вечер возвратилась в свою переполненную трущобу.

Прошел сентябрь, за ним и октябрь. Многие из кошек околели с голоду или попались, по слабости, в лапы своих врагов. Но наша киска, крепкая и молодая, все еще была жива.

Между тем в разрушенных кварталах произошли большие перемены. Эти кварталы киска впервые увидела ночью, и тогда они были пустынные; но днем их заполняли шумные рабочие. К концу октября там построили высокое здание, и трущобница, теснимая голодом, однажды прокралась к ведру, оставленному во дворе негром. К сожалению, ведро не было помойным. Это было ведро для мытья пола. Печальное разочарование сопровождалось, однако, некоторым утешением: на ручке оказались следы знакомой руки. В то время как она изучала их, приставленный к лифту негр появился на пороге. Несмотря на синюю ливрею, она по запаху узнала его и попятилась на другую сторону улицы. Он не сводил с нее глаз.

— Неужто это Королевская Аналостанка? Слышка, кис, кис, кис-с-с! Сюда, киска, сюда! Уж и голодно-то, наверно!

Голодна! Она за несколько месяцев ни разу не поела досыта. Негр вошел в дом и вскоре вернулся с остатками своего завтрака:

— Слышь-ка, киска, кис, кис, кис!

Еда была очень заманчива, но киска имела основания не доверять этому человеку. Наконец он положил мясо на мостовую и вошел обратно в дверь. Трущобница осторожно подкралась, понюхала мясо, схватила его и умчалась, как тигрица, чтобы съесть добычу в безопасности.

Жизнь четвертая

XI

Так началась новая эпоха. Теперь киска стала приходить к дверям дома, когда была очень голодна, и с каждым днем все крепче привязывалась к негру. Она раньше не понимала этого человека. Он всегда казался ей врагом. А оказалось, что это ее друг, единственный друг в целом свете.

Однажды ей выпала счастливая неделя: семь сытных обедов семь дней подряд. И как раз после последнего обеда ей подвернулась сочная мертвая крыса, настоящая крыса, суший клад. Киска схватила находку и потащила ее, намереваясь припрятать впрок. Она переправлялась через улицу у нового дома, когда показался ее старый враг — собака с верфи, и она, естественно, бросилась к двери, за которой жил ее друг. Как раз когда она поравнялась с ней, негр распахнул дверь, выпуская хорошо одетого человека. Они оба увидели кошку с крысой.

— Ого! Вот так кошка!

— Да, сэр, — отозвался негр. — Это моя кошка, сэр. Гроза для крыс, сэр. Всех почти переловила, сэр, вот почему она так худа.

— Не давайте ей голодать, — сказал господин, по всем признакам домохозяин. — Вы возьметесь кормить ее?

— Продавец печенки приходит каждый день, сэр. Четверть доллара в неделю, сэр, — сказал негр, нахо-

дя, что имеет полное право на добавочные пятнадцать центов за выдумку.

— Хорошо, я буду платить.

XII

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздается чарующий крик старого продавца печенки, везущего свою тачку по переродившемуся Скримперскому переулку, и кошки, как в прежнее время, стаей сбегаются за своей порцией.

Надо помнить всех кошек, черных, белых, желтых и серых, а главное, надо держать в памяти всех их владельцев.

Обогнув угол нового дома, тачка делает непривычную в прежние времена остановку.

— Эй вы, прочь с дороги, низкий сброд! — кричит продавец печенки и размахивает волшебным жезлом, очищая дорогу для серой кошечки с голубыми глазами и белым носом.

На ее долю выпадает самая большая порция, потому что негр разумно делит доходы пополам с продавцом печенки. Трущобная киска удаляется со своим обедом под кров большого здания, сделавшегося ее жилищем. Ее четвертая жизнь принесла ей такое счастье, о каком она и не мечтала. Вначале все было против нее, теперь же счастье так и лезет к ней. Вряд ли она поумнела после своих странствий, но теперь она хорошо знает, чего хочет, и получает то, что хочет. Честолюбивая мечта всей ее жизни также осуществилась, ибо ей удалось поймать не одного воробья, а целых двух, в то время как они дрались на мостовой.

Ей так и не удалось поймать крысу, но негр подбирает дохлых крыс, где только может, и выставляет их напоказ. Покойница лежит в сенях до прихода домовладельца, затем с извинением торопливо выбрасывается вон:

— Чтоб ее, эту кошку, сэр!.. Это аналостанская кровь, сэр, гроза крыс.

За это время у нее несколько раз бывали котята. Негр думает, что желтый кот — отец некоторых из них, и негр, без сомнения, прав.

Он продавал ее несчетное количество раз со спокойной совестью, хорошо зная, что Королевская Аналостанка возвратится домой через несколько дней. Она отделалась от своей нелюбви к лифту и даже приучилась подниматься и спускаться в нем. Негр упорно утверждает, что в один прекрасный день, когда она услышала зов продавца печенки, находясь на верхнем этаже, она ухитрилась нажать электрическую кнопку лифта и спуститься вниз.

Шерсть ее попрежнему шелковиста и прекрасна. Она числится в первых рядах кошачьей аристократии. Продавец печенки чрезвычайно почтителен с ней. Даже вскормленная на сливках и цыплятах кошка хозяйина ломбарда не занимает такого положения, как Королевская Аналостанка. А между тем, несмотря на все ее благополучие, общественное положение, королевское звание и поддельный аттестат, она никогда не бывает так счастлива, как в то время, когда ей удастся улизнуть в сумерки и порыскать по задворкам, потому что в глубине души она осталась и всегда останется грязной трущобной кошкой.

ТИТО — ДОЧЬ СТЕПЕЙ

I

Если бы не маленький камешек, мой рассказ никогда не был бы написан.

Этот камешек лежал на дороге в Дакоте и в одну жаркую темную ночь попался под ноги лошади, на которой ехал пьяный пастух Джек. Пастух соскочил на землю, чтобы посмотреть, обо что споткнулась лошадь. Спьяну он выпустил поводья из рук, и лошадь умчалась в темноту. Пастух Джек понял, что лошади ему не догнать, улегся под кустом и захрапел.

Золотые лучи утреннего летнего солнца дрожали на вершинах деревьев. По дороге, идущей вдоль Верхнего ручья, пробиралась старая самка из породы степных волков — койотов. В зубах она несла кролика на завтрак для своих детенышей.

С давних пор скотоводы этой местности вели ожесточенную войну с койотами. Капканы, ружья, яд и собаки почти совсем уничтожили их, а те немногие, что остались в живых, научились остерегаться на каждом шагу.

Поэтому старая самка скоро свернула с проезжей дороги: все места, где ступала нога человека, грозят койоту гибелью. Самка прошла по краю невысокой гряды холмов, потом перебралась через кусты остролистника, озабоченно внюхалась там в выветрившийся уже запах человеческих следов и побежала к другой гряде холмов. Здесь на солнечной стороне была пещера, где жили ее детеныши. Около пещеры она осторожно покружила, сделала несколько прыжков в разные стороны, потянула носом воздух. Запахов, грозящих опасностью, она не почуяла. Успокоенная, она приблизилась ко входу в свое жилище и тихо фыркнула.

Из пещеры, около которой рос куст шалфея, вскочила целая куча маленьких койотов, прыгавших друг через друга. Отрывисто лая и визжа, точно щенята, они накинулись на завтрак, принесенный матерью. Они пожирали мясо, вырывая его друг у друга, а мать смотрела на них и радовалась.

Пастух Джек проснулся на восходе солнца. Он успел заметить старую самку в ту минуту, когда она перебиралась через холм. Как только она исчезла из виду, он вскочил на ноги, дошел до вершины холма и увидел оттуда всю веселую семью. Пастух Джек смотрел и думал о том, что за каждого убитого койота можно получить хорошую денежную награду. Налюбовавшись, он вытащил свой большой револьвер и прицелился в мать. Грянул выстрел, и она упала мертвая.

Маленькие койоты в ужасе спрятались в свое логово, а Джек завалил камнями вход в пещеру и ушел. Пленники выли и визжали в темноте.

Весь день они просидели в темной норе, удивляясь, почему мать не приходит кормить их. Уже под вечер они услышали шум у входа, и в норе опять стало светло. Они побежали навстречу матери, но это была не она. Два каких-то чудовища разрывали вход в их жилище.

Примерно через час люди добрались до конца пещеры и тут, в самом дальнем углу, нашли мохнатых

светлоглазых детенышей, сбившихся в один пушистый комок. Сильным ударом лопаты приканчивали они беспомощных и дрожавших от ужаса зверьков и одного за другим кидали в мешок. Каждый звереныш вел себя перед смертью по-своему. Одни из них визжали, другие рычали, когда их вытаскивали из норы. Двое или трое попробовали даже кусаться.

Когда люди убили шестерых, они заметили в глубине пещеры седьмого, последнего зверька. Он лежал совсем тихо, с полузакрытыми глазами. Вероятно, ему казалось, что так его не заметят. Один из людей поднял его, хотел было прикончить, но вдруг, неожиданно для себя самого, пожалел.

— Джек, — сказал он, — если этот еще жив, возьмем его на ферму. Я его подарю ребятам. Пусть возьмется с ним, как со щенком. Если тебе жалко потерять полдоллара за шкуру, я тебе верну его когда-нибудь потом.

— Ладно, как хочешь, — вяло ответил Джек, вытирая о землю окровавленную лопату.

Итак, последний детеныш живым попал в мешок, где лежали его мертвые братья. Даже в мешке он не ворочался и не визжал.

После долгой тряски мешок открыли, зверька вытащили — и он очутился перед целой толпой детей.

— Собачка! Собачка! — весело кричали они. — Почему она такая маленькая, а голова у нее такая большая? Почему у нее такая острая морда?

Мексиканец, который был в это время на ферме Чимни-Пот, объяснил детям, что это не собака, а «койотито» — маленький койот, степной волк.

Звереныша стали звать Койотито, а потом, для краткости, просто Тито.

II

Оказалось, что это самка. Она была хорошеньким маленьким зверьком с пушистой шерстью. С виду она была похожа на щенка, но для игры с ребятами не годилась.

Тито ела все, что ей давали, но ни с кем не дружила и никогда не выходила на зов из своей конуры. Она боялась людей, потому что они были с ней грубы и часто вытаскивали за цепь, если хотели ее видеть. Тогда она страдала молча, а иногда прикидывалась мертвой.

Среди детей фермера был тринадцатилетний мальчик Линкольн. Впоследствии он стал похож на своего отца, доброго, мужественного и умного человека, но в то время он был беспощаден и жесток.

Подобно всем своим товарищам, Линкольн мечтал сделаться пастухом и поэтому все время учился бросать лассо — длинный кожаный аркан для ловли животных. Но ловить ему было некого. Набрасывать лассо на столбы и пни очень скучно. Ловить братьев и сестер ему запрещали. Собаки удирали от него, как только видели его с арканом в руках. Оставалось охотиться на Тито. Несчастливая жертва скоро поняла, что спасение можно найти только в конуре. Стоило ей выйти наружу, как на нее со свистом летела петля. Тито припадала к земле и таким образом избавлялась от аркана.

Но когда Тито настолько наловчилась, что поймать ее стало невозможно, жестокий мальчишка придумал новое развлечение. Он достал большой капкан для лисиц, врыл его в землю у самой конуры и сверху прикрыл разными объедками. Через некоторое время Тито, привлеченная запахом пищи, осторожно подкралась к приманке и одной ногой попала в капкан. Мальчик наблюдал за нею из укромного местечка. Он издал боевой индейский клич и бросился к ней. Он накинул на Тито свое лассо и с помощью младшего брата, своего способного ученика, высвободил ее из капкана прежде, чем старшие открыли его проделку.

Два-три подобных опыта внушили Тито смертельный страх перед капканами. Она скоро научилась узнавать запах стали и избегала капканов, несмотря на то что Линкольн чрезвычайно искусно закапывал их в землю.

Тито сидела на цепи. Однажды цепь распаялась, и

Тито попыталась бежать. Нерешительными шагами вышла она из своей конуры, волоча за собою цепь. Но один из рабочих увидел Тито и выстрелил в нее мелкой дробью. Ожог и неожиданная боль заставили ее сейчас же вернуться в единственное убежище — конуру.

Тито снова посадили на цепь. Теперь Тито знала, что следует бояться не только капканов, но и ружей.

Скоро она узнала, что есть и другие опасности.

Линкольн не раз слышал от взрослых, что койотов часто уничтожают отравой. Ему пришло в голову проделать опыт над Тито.

Добыть стрихнин¹ было трудно — взрослые его слишком тщательно прятали. И вот Линкольн достал крысиной отравы и дал ее Тито в куске мяса. Стоя у конуры, он спокойно ждал, чем кончится его опыт, как профессор химии, приступающий к новому исследованию.

Тито понюхала мясо. Всякую вещь необходимо прежде всего проверить носом. Носу пища показалась подозрительной — он различал в ней три запаха: мяса, человеческих рук и еще чего-то незнакомого. Так как это знакомое не пахло ни капканом, ни порохом, Тито решила съесть мясо. Но через несколько минут после того, как она проглотила кусок, у нее сильно заболел живот, а потом с ней сделались судороги. Сильным напряжением воли она заставила себя отрыгнуть отравленное мясо.

После этого она с жадностью набросилась на какую-то траву и проглотила несколько стебельков. Не прошло и часа, как она совсем поправилась.

Линкольн закатил ей такую дозу яда, которая могла бы убить целую дюжину волков. Если бы он дал ей меньше, она, вероятно, почувствовала бы боль в желудке слишком поздно и не успела бы отрыгнуть отраву.

С того времени Тито навсегда запомнила особенный запах крысиной отравы, от которой бывает так больно.

---

¹ Стрихнин — сильный яд, убивающий почти моментально.

Кроме того, Тито научилась пользоваться травами — целебным средством, которое природа почти повсюду заготовила для нее. С тех пор, как только она чувствовала боль, она бросалась искать траву.

Спустя некоторое время один родственник прислал в подарок Линкольну бультерьера. Собака доставила много радости Линкольну и много горя койоту. Мальчик постоянно натравливал на Тито свирепого бультерьера. Тито еще тверже запомнила, что в случае опасности лучше всего тихо и скромно лежать на земле.

Но не думайте, что Тито всегда была тиха и скромна. Она научилась огрызаться. Она охотилась на цыплят, бродивших по двору. Притворяясь спящей, Тито незаметно следила за ними и, когда они подходили к самой конуре, внезапно набрасывалась на них и хватала самого неосторожного цыпленка.

В довершение всего, Тито раздражала людей своим пением: пела она по утрам и по вечерам.

За эту страсть ее много раз били. Как только хлопнет дверь или форточка, Тито переставала петь и удирала в конуру. Она знала, что вслед за стуком в нее полетит палка, или камень, или заряд мелкой дроби. С каждым днем все больше рос ее ужас перед людьми и ружьями.

Почему она любила петь, никому не известно. Песня ее состояла из отрывистого лая и жалобных воплей. Все собаки сочувственно отвечали на ее пение, а однажды даже дикий волк отозвался из-за далеких холмов. Обычно Тито пела в сумерках и на заре, но иногда и в лунную ночь она заливалась воем, слышав какой-нибудь внезапный шум.

В самой глубине своей конуры Тито запрятала маленькую кучку костей, а перед конурой зарыла в землю несколько кусков мяса. Это были запасы на случай голодовки. Она прекрасно помнила, где лежат ее сокровища. Если она замечала, что люди узнавали, где зарыты ее запасы, она при первой возможности зарывала их в другое место.

Прошел год с тех пор, как Тито попала в неволю. За это время она совсем выросла и приобрела много опыта, за который ее дикие сородичи нередко расплачивались жизнью. Тито познакомилась с капканами и ружьями и научилась бояться их. Она навсегда запомнила, как пахнет ядовитая приманка и что надо делать, если нечаянно проглотишь отравленное мясо. Она поняла, что ее вечерние и утренние песни должны быть как можно короче. Она научилась ненавидеть и бояться собак. А тверже всего она запомнила правило: когда опасность близка, прикинь к земле, ничего не делай и не шевелись, чтобы тебя не заметили.

Тито была уже взрослой, когда хозяин фермы купил двух чистокровных борзых. Он думал с их помощью истребить последних койотов, которые еще нападали на стада в окрестностях фермы.

Для того чтобы испытать своих новых борзых, он решил натравить их на Тито. Ее посадили в ящик и вывезли в степь. Там ее выпустили на свободу и сейчас же вслед за ней спустили с цепи борзых. Тито помчалась со всех ног, подгоняемая криками людей и лаем собак. Борзые летели следом. Спасения для Тито не было. Через минуту собаки должны были настичь и разорвать ее. Но вдруг Тито остановилась, повернула и пошла навстречу собакам, приветливо помахивая хвостом.

Борзые — совсем особенные собаки. Они готовы загрызть всякого, кто бежит от них. Но тот, кто не убегает, а спокойно глядит им в глаза, сразу перестает быть для них врагом.

Так случилось и теперь. Разогнавшиеся борзые промчались мимо Тито, но сейчас же вернулись, смущенные. Фермеры тоже были смущены. Маленькая, смелая самка койота оказалась хитрее всех.

Тито снова загнали в ящик и отвезли на ферму.

На другой день фермеры решили повторить свой опыт, но на этот раз к борзым присоединили свирепого бультерьера. Как и накануне, Тито смутила борзых своей хитрой уловкой. Но бультерьер не был так веж-

лив, как борзые. Он ловко схватил Тито за шею, покрытую густой шерстью, и стал трясти изо всех сил. Через несколько мгновений Тито неподвижно лежала на земле. Фермеры стали расхваливать храброго бультерьера, а борзые в это время шныряли кругом, растерянные и недоумевающие.

Все думали, что Тито околела. Один англичанин, приехавший поглядеть, как травят койота, попросил позволения взять себе на память хвост «этого странного животного». Ему разрешили. Он поднял Тито за хвост и одним ударом ножа отрубил у нее половину хвоста. Тито грохнулась наземь с пронзительным визгом и сейчас же кинулась бежать. Оказалось, что она все время только притворялась мертвой. Теперь, обезумев от боли, она помчалась во всю прыть через заросли кактуса и шалфея.

Для борзых убегающее животное — враг, которого нужно во что бы то ни стало настичь. Тонконогие борзые и белогрудый бультерьер стремительно бросились в погоню. Но, на счастье, дорогу собакам перерезал кролик. Потеряв Тито из виду, борзые кинулись за кроликом, который тоже скоро исчез в норе суслика. Так и Тито и кролик были спасены.

Тито чувствовала себя прекрасно, хотя обрубок хвоста все еще сильно болел. Она быстро бежала вперед, скрываясь в кустах и в ложбинах, пока не нашла надежное убежище среди холмов.

III

У каждого дикого животного есть три источника познания. Первый источник — это опыт предков, инстинкт, переданный ему по наследству. Этот опыт накопился у целого ряда поколений за долгие века борьбы с опасностями. Второй источник познания — пример родителей и других взрослых животных той же породы. Детеныш перенимает все обычаи и повадки своего племени. Третий источник познания — собственный опыт.

Наследственный инстинкт не всегда помогает животному, так как он недостаточно изменчив и подвижен, а условия жизни постоянно меняются. Пример взрослых тоже не может научить детеныша всему необходимому. А третий источник знаний плох тем, что личный опыт всегда приобретается слишком опасным путем.

Тито училась жизни не так, как ее сородичи. Собственного опыта она приобрела гораздо больше, чем другие молодые койоты, но зато она никогда не видела примера старших и поэтому не умела добывать себе пропитание охотой.

Теперь она очутилась на воле. Спасаясь от погони, она только один раз присела, чтобылизать окровавленный обрубок хвоста. Она бежала и бежала, пока не наткнулась на поселок сусликов.

Тито попробовала поохотиться. Множество сусликов сидело у своих нор и глядело на непрошенную гостью, но все они миготом исчезли, едва только Тито приблизилась к ним. Напрасно металась она из стороны в сторону.

Тито так и осталась бы голодной, если бы ей не удалось поймать в траве на речном берегу двух полевых мышей.

Но через несколько дней Тито уже знала, как добывать еду. Мышей, кроликов, сусликов, ящериц кругом было много.

С каждым днем Тито охотилась все хитрее и удачнее. Раза два видела она за это время людей с собаками. Всякий дикий койот начал бы на ее месте вызывать лаять или взобрался бы на холм, чтобы оттуда следить за врагами. Но Тито понимала, что это глупо и опасно. Она только ложилась на землю и замирала. Если бы она бросилась бежать, она неминуемо привлекла бы внимание собак. Так опыт, который она приобрела на ферме, спасал ее от смертельной опасности.

Койоты славятся быстротой бега. Койот не верит, что на свете есть животное, которое может догнать

его, — он обыкновенно только играет со своими преследователями. Но когда его преследуют борзые, эта игра кончается плохо для койота. Он слишком поздно соображает, что ему нужно бежать от этого врага всерьез.

Тито выросла на цепи и совсем не умела бегать. Поэтому у нее не было основания доверять своим ногам. Она жила, полагаясь только на свой опыт, и это было для нее спасением.

В течение всего лета Тито оставалась у реки Малой Миссури. Она продолжала учиться охотничьим хитростям и уловкам. Если бы она выросла на воле, она изучила бы эти приемы еще до того, как у нее выпали молочные зубы.

Она старалась держаться как можно дальше от ферм и пряталась, как только чуяла запах человека или незнакомого животного.

Тито провела лето в полном одиночестве. Днем она не чувствовала себя одинокой, но когда солнце заходило, ее охватывало непреодолимое желание петь.

Песню свою выдумала не она сама. С незапамятных времен все койоты выражали свои чувства в этих диких звуках, в которых чувствуешь и самого зверя и равнину, его породившую. Когда один койот начинает петь, это так же действует на остальных, как звук трубы или барабана на солдат или воинственный гимн — на индейцев. Всякий койот, где бы он ни вырос, отвечает на ночную песню. Они поют ее после заката солнца и при восходе месяца. На рассвете койоты поют самую громкую и волнующую песню:

— У-я-яя-оо-оо-о-у...

И опять и опять повторяется этот дикий напев. Человеку он кажется однообразным только потому, что он не может различить отдельные звуки — точно так же, как койот не различает слов в песне па-стуха.

Тито по врожденной привычке пела эти песни в положенное время. Но печальный опыт научил ее петь коротко и глухо. Несколько раз она слышала далекий

ответ своих сородичей, но сейчас же смущенно замолкала и быстро переселялась в другое место.

Однажды, бродя вдоль берегов Верхнего ручья, она наткнулась на след: очевидно, здесь волокли кусок мяса. Запах был необыкновенно привлекателен, и она пошла по следу. Внезапно Тито натолкнулась на кусок мяса. Она была голодна — теперь ее почти всегда мучил голод. Искушение было велико, и, несмотря на то что запах был совсем особенный, она проглотила мясо. Но уже через несколько секунд она почувствовала ужасную боль. Воспоминание об отравленном куске, который ей подсунил мальчик на ферме, было еще свежо. Дрожащими, покрытыми пеной челюстями она схватила несколько стебельков травы и, изрыгнув отравленное мясо, упала в судорогах на землю.

Этот кусок мяса подбросил Джек. Он нарочно волочил его по земле, чтобы след привел койота к отраве. Все это проделал он накануне, а утром, проезжая по мосту через реку, издали увидел бьющуюся в судорогах Тито. Он сейчас же догадался, что яд подействовал, и быстро подъехал к своей жертве. При стуке лошадиных копыт страшным усилием воли Тито вскочила на ноги. Джек схватил револьвер и выстрелил, но только напугал ее. Тито попробовала бежать, но ее задние ноги отнялись. Она собрала все свои силы и кинулась вперед, волоча обе задние ноги.

Если бы она осталась неподвижной, она умерла бы через несколько минут. Но выстрелы и приближение человека внушили ей отчаянную решимость. Она продолжала бороться с собственным бессилием. Омертвевшие нервы ее ног напрягались от этих усилий и должны были уступить воле. Каждый выстрел из револьвера придавал Тито все больше и больше энергии. Новое дикое усилие — и одна нога стала слушаться, еще несколько мгновений — ожила и другая. И Тито легко понеслась вдоль извилистого берега, не обращая внимания на ужасную боль, все еще сводившую ее изнутри.

Если бы Джек на этом прекратил свое преследование, она бы, наверно, все-таки легла на землю и тогда бы неминуемо умерла. Но он скакал вслед за ней и посылал ей вдогонку выстрел за выстрелом, пока наконец, на второй миле, Тито не перестала чувствовать боль. Враг принудил ее прибегнуть к единственному действительному средству — к сверхъестественному напряжению сил, которое заставило ожить отнявшиеся ноги. Так Джек спас Тито.

Новые сведения, которые Тито почерпнула из приключений этого дня, сводились к следующему: странный запах этого мяса влечет за собой смертельные муки. Она никогда не забывала этого и с тех пор всегда узнавала стрихнин.

К счастью, когда охотятся с капканами или отравой, не пускают в дело собак, ибо собаки сами могут попасться в капканы или отравиться стрихнином. Если бы в преследовании Тито участвовала хоть одна собака, наша история была бы окончена.

С приближением осенних холодов Тито сделала большие успехи. Теперь она всеми своими привычками походила на обыкновенного койота и смелее пела свою вечернюю песню.

Однажды лунной ночью, услышав ответ, она отозвалась на голос своего сородича и скоро увидела крупного темного койота. Он осторожно двигался к Тито. Грива Тито поднялась дыбом. Она приникла к земле и стала выжидать. Незнакомец решительно приближался. Втягивая носом воздух, он направлялся прямо по ветру к ней. Затем он обошел вокруг нее так, чтобы и она могла почуять его запах, и приветливо замахал хвостом. Такое поведение было ясным выражением дружбы. Тито поднялась, помахала обрубок своего хвоста, и знакомство состоялось.

Пришелец оказался очень крупным койотом, почти вдвое больше Тито, а темная полоса на его спине была так широка и черна, что пастухи прозвали его

Оседланным. С этого времени новые друзья стали жить большей частью вместе. Это не значит, что они всегда были друг около друга. Нет, иногда в течение целого дня их разделяло несколько миль. Но с приближением ночи один из них всегда взбирался на какой-нибудь холм и запевал громко:

— Яп-яп-яп йоу-оу-ууу-ууу-ууу...

После этого они встречались в ближайшем убежище.

Оседланный был сильнее Тито, но она была образованнее и умнее и скоро сделалась вожаком; не прошло и месяца, как сначала один койот, а потом еще два присоединились к ним и стали членами этого свободного союза.

Маленькая, с обрубленным хвостом самка обладала редкими знаниями, которых недоставало другим койотам. Тито знала, как бороться с хитростями людей. Скоро койотам стало ясно, что ее способ охотиться был наиболее успешным, потому что, когда они шли без нее, им большей частью не везло.

У одного соседнего фермера было двадцать овец. Стадо стерегла громадная свирепая собака. Однажды зимой два койота попробовали напасть на это стадо, но дело кончилось тем, что овчарка потрепала их.

Несколько дней спустя стадо в сумерки возвращалось домой. До сих пор никто не знает в точности, как Тито устроила то, что случилось. Ясно только, что она была зачинщиком и руководителем. Койоты спрятались в ивняке, а Оседланный, храбрый и быстрый, пошел прямо на овец и громко залаял, вызывая врага на поединок. Овчарка прыгнула вперед со свирепым рычаньем и, увидя врага, стала бросаться на него.

Оседланный то подпускал к себе собаку так близко, что она почти могла схватить его, то снова отскакивал и таким образом завлек ее далеко в лес. А в это время остальные койоты, с Тито во главе, разогнали стадо по двадцати направлениям и, преследуя овец поодиночке, растерзали несколько штук и спрятали их в снегу.

В темноте собака и ее хозяин с трудом собрали уцелевших овец. На следующее утро они убедились, что четыре овцы из стада были загнаны далеко и убиты, а койоты устроили себе ночью роскошный пир.

Пастух посыпал мертвые тела ядом и оставил их лежать. На следующую ночь койоты вернулись. Тито понюхала замерзшие тела, различила запах яда, издавала предостерегающее рычание и забросала трупы грязью, чтобы никто из ее товарищей не прикоснулся к ним. Впрочем, один, наиболее жадный, не послушался Тито и набросился на падаль. Скоро вся стая удалась, а он остался на снегу мертвый.

V

Джек слышал со всех сторон, что койоты становятся невыносимыми. Он решил серьезно приняться за работу и постараться при помощи капканов и ядов уничтожить хотя бы тех из них, которые жили у Верхнего ручья. Каждую свободную минуту он отправлялся с собаками на розыски по берегу Малой Миссури. Он провел в таких странствованиях целую зиму, и не без успеха: убил двух волков и нескольких койотов, принадлежавших к стае Тито.

Зима эта ознаменовалась целым рядом набегов, даже подвигов, со стороны койотов. След на снегу всегда указывал, что вожаком стаи был маленький куцый койот.

Одно из этих нашествий возбудило много толков.

Однажды под вечер песня койотов раздалась совсем близко от фермы. Собаки ответили обычным лаем. На вой койотов бросился бультерьер, потому что только он один не был на цепи. Но он не нашел никого и, рыча, вернулся домой.

Через двадцать минут, уже совсем близко, снова раздался вой койотов. Терьер опять бросился в темноту. Спустя минуту его возбужденный лай показал, что на этот раз он напал на след. Бешено лая, он летел вперед, пока голос его не потерялся вдали.

Наутро люди прочитали на снегу историю ночи.

Первый раз койоты запели свою песню для того, чтобы узнать, все ли собаки спущены с цепи. И, узнав, что на воле была только одна, принялись за работу. Пять койотов притаились у той дорожки, которую они протоптали, идя на ферму, а один выступил вперед и завыл. Пылкий терьер выскочил на его голос, и койот увлек его в засаду. Что мог сделать он один против шести?

Койоты разорвали терьера на части и съели.

Это случилось как раз на том месте, где он когда-то напал на Тито. И когда на следующее утро люди разглядели следы, они убедились, что все было сделано по определенному плану и что зачинщиком был и на этот раз маленький короткохвостый койот.

Фермеры были очень раздосадованы, Линкольн взбешен, а Джек сказал:

— Я уверен, что это наша Тито расправилась с терьером.

VI

К весне дружба Тито и Оседланного еще более окрепла. Койоты, конечно, не дают друг другу имен, как люди, и Тито и Оседланный никак не называли друг друга, но у них был особый звук вроде короткого лая, которым они всегда подзывали друг друга.

Свободный союз койотов распался теперь сам собой, так как весной вся стая разбилась на пары, и, кроме того, теперь появилось столько дичи, что незачем было охотиться стаей.

Обыкновенно койоты не спят в норах. Они всю ночь напролет бродят с места на место, а днем спят несколько часов на солнечной стороне холма. Но с наступлением весны их образ жизни меняется.

Когда дни сделались теплее, Тито и Оседланный стали готовить логовище для своей будущей семьи. На склоне маленького, залитого солнцем холмика нашли они заброшенную барсучью нору, вычи-

стили, расширили и углубили ее. Набросав в нее кучу травы и листьев, они устроили из нее уютное жилище. Оно помещалось в сухом, солнечном уголке между холмами.

Тито почти все время проводила близ своего нового дома. Оседланный обыкновенно приносил ей пищу, но иногда и сама она отправлялась на охоту в поселок сусликов. Это было то самое место, на которое Тито набрела в тот день, когда добыла себе свободу и потеряла хвост. Если бы она была способна предаваться воспоминаниям, она бы, конечно, смеялась теперь над собой — так глупа была она тогда. Насколько хитрее и опытнее стала она за это время!

Один из сусликов вырыл себе норку в стороне от других. Норка у него была образцовая.

Как-то раз Тито увидела, что этот суслик щиплет траву шагах в десяти от своей норы.

Поймать суслика, когда он один, конечно, гораздо легче, чем тогда, когда он находится в своем поселке, потому что у него ведь только одна пара глаз, чтобы наблюдать за всем окружающим, а в поселке глаз много.

Тито решила воспользоваться случаем. Но как приступить к делу, не имея никакого заслона, кроме низенькой травы?

Белый медведь знает, как приблизиться к тюленю на плоской льдине, и индеец умеет совсем вплотную подойти к оленю, пасущемуся в степи. Тито тоже понимала, как действовать, и начала приводить свой план в исполнение.

Суслик видит хорошо, только сидя на задних лапках; его глаза мало помогают ему, когда он уткнется в траву. Тито это знала. Желтовато-серое животное на желтовато-сером фоне песка и травы делается заметным только тогда, когда начинает двигаться. Тито знала и это.

Итак, не пытаясь даже особенно прятаться, она тихонько пошла по направлению к суслику, держась против ветра, для того чтобы все время слышать запах

суслика. Как только ее жертва двинулась вперед, держа что-то в передних лапках, Тито застыла на месте. Но едва только суслик снова уткнулся головой в траву, она решительно пошла вперед, наблюдая за каждым движением зверька, чтобы опять застыть на месте, когда суслик поднимет голову.

Раза два суслик тревожно оглядывался, но, не видя ничего, продолжал пощипывать траву. Расстояние между Тито и ее жертвой скоро сократилось до десяти, затем до пяти шагов, а суслик все еще ничего не замечал. Наконец Тито сделала быстрый прыжок и схватила неосторожного суслика своими острыми зубами.

VII

Далеко не все приключения Тито оканчивались так удачно. Однажды она чуть было не поймала маленькую антилопу, но на выручку детенышу явилась мать и копытом чуть не проломилла хищнице голову. Тито никогда уже больше не повторяла этой ошибки — у нее пропала охота ловить антилоп.

Раза два ей пришлось вприпрыжку спасаться от гремучей змеи. Несколько раз охотники стреляли в нее из дальнобойных ружей. Но больше всего приходилось ей остерегаться волков. Волк много крупнее и сильнее койота, но зато койот быстрее бегаёт и всегда может спастись от волка в открытой местности. Гораздо опаснее встретиться с волком в каком-нибудь закоулке.

У Тито была странная привычка, иногда наблюдающаяся у волков и у койотов, — таскать во рту неизвестно зачем на протяжении многих миль всевозможные несъедобные вещи. Много раз бежала она трусцой милью или две, держа в зубах старый рог буйвола или выброшенный сапог для того лишь, чтобы оставить их, когда что-нибудь другое привлечет ее внимание.

Эта странная привычка послужила причиной гибели нескольких собак с фермы. Джек разложил цепь

отравленных кусков мяса на западных холмах. Тито знала, что мясо отравлено, и не трогала его. Но однажды она подобрала два куска и направилась через Малую Миссури к ферме. Она обошла ферму на почтительном расстоянии и, когда услышала собачий лай, с испугу бросила куски. На следующий день собак выпустили погулять. Они наткнулись на отравленное мясо и съели его. Через десять минут на земле лежало несколько мертвых борзых — на сумму четыреста долларов. После этого был издан закон, запрещающий истреблять койотов отравой. И закон этот был издан из-за маленького короткохвостого койота.

Тито скоро поняла, что охота — даже на животных одной породы — требует каждый раз особых приемов. Суслик, живущий далеко от своих сородичей, достался ей очень легко. Другие суслики жили совсем близко друг от друга. Посреди их поселка жил аппетитный, толстый суслик, настоящий староста, и Тито несколько раз пыталась поймать его. Однажды она уже подкралась к нему на расстояние прыжка, но вдруг шипенье гремучей змеи предупредило суслика об опасности. Змея не то чтобы имела сама какие-нибудь виды на суслика, но просто не любила, чтобы ее тревожили. И Тито, боявшаяся змей, принуждена была бросить охоту. Открыто напасть на «старосту» было невозможно, так как расположение его дома обращало всех обитателей поселка в его сторожей.

У койотов есть обыкновение наблюдать с какого-нибудь возвышенного места за всеми, кто проезжает по дорогам, а потом спускаться и обнюхивать следы. То же предельвала и Тито.

Однажды от города по направлению к югу проехала по дороге телега. Тито прикинула к земле и стала наблюдать за ней. Вот что-то упало на дорогу. Когда телега скрылась из виду, Тито прыгнула на дорогу, чтобы, по привычке, понюхать след и посмотреть, что упало.

Тито увидела какой-то непривлекательный круглый зеленый предмет вроде листа кактуса, только без игл

и с другим запахом. Это было яблоко. Она понюхала его, покатила и хотела уже пройти мимо. Но солнце так весело играло на яблоке и оно так занятно катилось, когда она толкала его, что Тито подняла его и побрела обратно через холм, туда, где жили суслики. Как раз в это время два степных ястреба показались над поселком сусликов, и зверьки, завидя птиц, принялись лаять, неистово помахивая хвостами, а потом спрятались в свои норки.

Когда все суслики скрылись, Тито направилась к жилищу «старосты», на которого она давно точила зубы. Оставив яблоко в каких-нибудь двух футах от края ямы, служившей «старосте» норой, она уткнулась носом в отверстие, чтобы насладиться аппетитным запахом жирного суслика. Его нора пахла вкуснее, чем все другие. Нанюхавшись вдоволь, Тито спокойно улеглась за ближайшим кустом. Спустя несколько секунд какой-то отважный суслик выглянул из своей норки и, ничего не замечая, успокоительно залаял. Один за другим все суслики появились на поверхности, и через двадцать минут поселок оживился попрежнему. Одним из последних вылез «староста», всегда чрезвычайно заботившийся о своей особе. Он осторожно осмотрелся и затем забрался на верхушку своей насыпи.

Нора суслика устроена наподобие воронки, идущей прямо в землю. Отверстие окружено высокой насыпью. Края насыпи с наружной стороны постепенно сравниваются с землей.

Когда «староста» увидел странную круглую штуку, лежащую около его порога, он испугался. Подробный осмотр убедил его, что штука эта не опасна и, повидимому, довольно интересна. Он осторожно приблизился к яблоку, понюхал и попробовал укусить его. Но яблоко покатилося по гладкой и покато́й почве. Суслик последовал за ним, а яблоко катилось все дальше и дальше. Никакая опасность, казалось, не грозила «старосте»: все его товарищи были на поверхности земли, и он беспечно гнался за катящимся яблоком.

Яблоко катилось к кусту, росшему неподалеку под

насыпью. А за кустом притаилась Тито. Она съежилась, напрягла мускулистые ноги и ждала, пока расстояние между нею и сусликом не сократится до трех хороших прыжков. Тогда она, как стрела, пущенная с упругой тетивы, бросилась вперед, и жертва была наконец в ее власти.

Мы никогда не узнаем, была ли простая случайность в том, что яблоко оказалось перед норой суслика, или это было сделано с целью. Как бы то ни было, яблоко на этот раз очень пригодилось Тито. Если бы такой случай приключился еще раза два с Тито или каким-нибудь другим умным койотом — а обыкновенно такие случаи выпадают на долю умных, — у койотов легко мог бы появиться новый, всеми признанный способ охотиться.

VIII

Пришла весна. Кажется, природа сказала себе: «Надо создать место, в котором соединялось бы все, что есть на земле чудесного, — рай для людей, животных и птиц», — и создала эти прекрасные дикие холмы, кипящие жизнью, покрытые тенистыми рощами, широкими степями и сверкающими на солнце озерами и ручьями. Здесь, в этой стране холмов, в этой стране вечно яркого неба и вечно яркой земли, природа щедро рассыпала дары, которые она в других местах распределяет скупно, как золото.

Маленький холмик к западу от фермы покрылся свежей травой. Весна разукрасила землю пестрыми цветами. И даже кактус, самое убогое из растений, удивил мир прекрасным цветком, столь же мало похожим на него, как жемчужина — на свою мать, раковину. В ложбинах и на холмах — везде благоухала весна. Наступал конец зимней голодовке, начиналось летнее раздолье. В это самое время природа повелела наконец маленьким койотам увидеть свет.

Матери не нужно учиться любить своих беспомощных детей. В своей темноватой теплой берлоге Тито нянчила, лизала и ласкала своих детенышей.

Но любовь к детям так же велика, как и беспокойство за их жизнь. В прежнее время Тито должна была заботиться только о себе. Все, чему она научилась во время своего странного детства, все, что она узнала впоследствии, служило ей только для самосохранения. Теперь она забыла себя ради своих детей.

Главной ее заботой было сохранить свое убежище в тайне. Тито уходила и приходила с величайшей осторожностью и только после того, как внимательно исследовала местность.

Люди знали Тито только как существо с ужасной пастью, с ногами, не умеющими уставать, существо, одаренное необыкновенным коварством и всюду оставляющее за собой следы разрушения. А детеныши знали ее как любящую, нежную кормилицу и защитницу. Она кормила и отогревала их, сторожила их внимательно и умно. Она всегда была готова на отчаянную борьбу и всевозможные уловки для того, чтобы защитить их в минуту опасности.

Новорожденный койот неуклюж, глуп и для каждого, кроме своей матери, довольно непривлекателен. Но когда глаза его раскроются, ноги окрепнут, когда он научится играть на солнышке со своими братьями и бежать сломя голову на нежный зов матери, принесшей пищу, маленький койот превращается в самое ловкое, самое прелестное существо на свете. И когда девять детенышей Тито подросли, не надо было и материнской нежности, чтобы с любовью наблюдать за ними.

Наступило лето. Детеныши ели уже мясо, и Тито с помощью Оседланного была постоянно занята добыванием пищи для себя и детей. Иногда она приносила домой суслика, иногда возвращалась с пастью, полной мышей, а иногда ей удавалось даже поймать большого кролика.

Наевшись, все семейство располагалось на солнышке. Тито всходила на какой-нибудь холм и обозревала землю и воздух своими острыми глазами, заботясь о том, чтобы ни один враг не нашел их счастливого дома.

А веселые детеныши играли или охотились за бабочками, или затевали отчаянные схватки друг с другом, или, наконец, тербелили кости и перья, валявшиеся у порога их норы. Только один, самый слабенький, как это случается в каждой семье, оставался около матери и карабкался ей на спину или тормозил ее за хвост. Какое это было трогательное зрелище! Тито была горда и счастлива.

IX

Пастух Джек был человек предприимчивый и перепробовал много планов разбогатеть, которые лопались один за другим, как только Джек убеждался, что они требуют работы.

Однажды ему пришло в голову, что можно разбогатеть, разводя домашних птиц. Недолго думая он купил дюжину индюшек и поселил их в углу своей убогой хижины. Два дня индюшки были предметом его нежнейших забот, но уже на третий он предоставил их самим себе. И всякий раз, когда Джек возвращался из странствий в свою неприветливую хижину, он убеждался, что число индюшек уменьшается. Наконец в живых остался всего один старый индюк.

Джека не особенно огорчала потеря, но он негодовал на вора.

Его главным занятием сделалось истребление койотов. Фермеры снабдили его ядами, капканами и лошадьми; надежный человек получил бы еще и денег впридачу, потому что фермеры — народ щедрый, но Джек не был надежным человеком.

Вести против койотов серьезную войну было всего удобнее летом, когда все логовища полны детенышей. Есть несколько способов выслеживать койота. Один из них — влезть на пригорок и следить за койотом, несущим пищу своим детям. Ленивому Джеку больше всего нравился именно этот способ, потому что он требовал продолжительного и спокойного лежания на земле. Положив рядом с собой подзорную трубу и отпустив лошадь, Джек проводил неделю за не-

делей на каком-нибудь пригорке. Он громко храпел и лишь изредка оглядывал окрестность сонными глазами.

Койоты выучились избегать открытых пространств и обычно пробирались домой под прикрытием холмов. Но это не всегда, конечно, удавалось, и однажды взгляд Джека случайно упал на темное пятно, движущееся по открытому склону холма. Джек узнал койота. Видно было, что он несет что-то в своей пасти, а это означало, что поблизости находится логовище с его детенышами. Джек заметил место и на следующий день вернулся, чтобы снова наблюдать. Прошел целый день, а он ничего не увидел у того высокого холма, к которому койот нес свою добычу. Но уже на третий день Джек заметил темного койота — это был старик Оседланный, который нес в зубах большую птицу. При помощи подзорной трубы Джек разглядел, что койот нес индюка. Он теперь понял, куда девались его индюшки, и поклялся жестоко отомстить врагу, когда найдет его жилье. Он следил за Оседланным, сколько было возможно, и затем отправился на то место, где потерял его из виду. Но тут он не нашел никаких следов и не добрался до холма, возле которого играли дети Тито.

Между тем Оседланный приблизился к этому холмику и издал то тихое рычанье, которое всегда вызывало наружу девять голодных детенышей. Они накинулись на индюка и теребили его, пока не разорвали на куски, а получив каждый свою долю, разбрелись в разные стороны и молчаливо принялись за еду. Лишь изредка издавали они тихое рычанье при приближении кого-нибудь из братьев и сверкали белками глаз, стараясь уследить за всеми движениями соседей. Дело не обошлось без драки, но заботливая мать тотчас же прекратила грызню, разделив индюка на равные части. Тогда буяны разбрелись кто куда, облизывая губы и покачивая головами, а самый маленький нырнул в нору, с торжеством неся свою добычу — громадную голову индюка.

Джек чувствовал себя глубоко обиженным. Он поклялся, что заживо сдерет кожу с маленьких койотов, когда найдет их, и с удовольствием мечтал об этом. Попытка выследить Оседланного оказалась неудачной, и все поиски его логовища были напрасны, но Джек был уже готов ко всевозможным неудачам: на случай, если найдет нору, он захватил лопату и заступ, а если не найдет, — белую живую курицу. Он отправился на полянку недалеко от того места, где видел Оседланного, и там привязал курицу к полену. Курица отбежала, насколько позволяла ей веревка, а затем улеглась на землю, растерянно хлопая крыльями.

Под вечер Тито пошла на охоту. Нора ее была близко, и она строго следовала правилу никогда не показываться на открытом месте. В прежние времена койоты обыкновенно бегали по самому гребню холма, чтобы глядеть по обе его стороны, но Тито знала, что так ее наверняка увидят, и поэтому всегда пробиралась по склону недалеко от вершины, лишь изредка высовывая морду, чтобы заглянуть через гребень.

В этот вечер она с обычной осторожностью отправилась добывать ужин своим детям, и ее зоркие глаза скоро разглядели белую курицу, метавшуюся из стороны в сторону.

Тито была поражена. Она покружила вокруг птицы, которая как будто заигрывала с ней, но в конце концов решила лучше оставить ее в покое. Она двинулась дальше и вдруг заметила легкое облачко дыма. Направляясь к нему, она наткнулась на стоянку Джека. Тут была его постель, паслась лошадь со спутанными ногами, а на догоревшем костре стоял котелок с чем-то пахнувшим очень знакомо — это был кофе.

Тито сделалось не по себе, когда она увидела, что так близко от ее дома находится человек, но она все же отправилась на охоту. А Джек, на закате вернувшийся вместе с курицей к месту стоянки, так и не узнал, какой гость у него побывал.

На следующий день курица опять была привязана на том же месте и уже после полудня попалась на глаза Оседланному. Он остановился, поглазел на нее несколько мгновений, потом уловил направление ветра и осторожно, ползком стал приближаться. Курица забила тревогу, стараясь высвободиться из петли. Но Оседланнный сделал прыжок, схватил ее так яростно, что оборвал веревку, и бросился к дому.

Джек было задремал, но кудахтанье курицы разбудило его, и он успел разглядеть койота. Как только тот исчез из виду, Джек пошел по дорожке из белых перьев. Сначала след был очень ясен, так как курица в борьбе потеряла много перьев, но после того как она испустила последний вздох в зубах Оседланного, перьев стало падать меньше. Джек спокойно и уверенно шел по следу, который тянулся почти по прямой линии. Только раза два произошла досадная задержка: когда койот немного менял направление или когда на пути совсем не встречалось кустов, на которых оставались перья. Но одного белого перышка на расстоянии пятидесяти шагов от другого было достаточно для Джека, чтобы снова отыскать дорогу. Когда стемнело, Джек был всего в каких-нибудь двухстах шагах от норы, где в эту самую минуту девять детенышей, рыча и давясь перьями, лакомились мясом белой курочки.

Если бы теперь поднялся ветер, один порыв его донес бы до Джека целое облако белых перьев и шум, который выдал бы нору койотов. Но по воле судьбы вечерняя тишина опустилась на землю, и треск ветвей, которые Джек ломал, тщетно стараясь отыскать хоть одно белое перышко в кустах, отделявших его от пещеры, заглушил все остальные звуки.

В это самое время Тито возвращалась домой, неся в зубах сороку, и напала на следы Джека. В тех краях пеший человек уже сам по себе есть нечто подозрительное, и Тито пошла по следу, чтобы разобратить, куда направился человек. По запаху она сейчас же определила

направление. Каким образом это удастся животным, никто не знает, но все охотники утверждают, что животное всегда, внюхавшись, разберет, куда ведут следы. Тито поняла, что эти следы направлялись прямо к ее дому. Охваченная ужасом, она спрятала сороку в кустах и побежала дальше по следу. Через несколько минут она почувствовала присутствие человека в чаще и поняла грозящую опасность. Поспешно обойдя холмик, она подошла к пещере и предостерегающе твякнула. Но вид холмика, такого заметного теперь благодаря белым, как снег, перьям, вероятно, поразил ее. Она лаем предупредила о приближении опасности, и все затихло на маленькой лужайке.

Тито убедилась, что человек, которого она всегда знала как существо самое коварное, находится близко от ее детей, выслеживает их и, быть может, уже через несколько мгновений будет держать их в своих жестоких руках.

О, какая мука сковала сердце матери, представившей себе эту ужасную картину! Но горячая материнская любовь сейчас же призвала на помощь всю материнскую мудрость. Отослав детей обратно в нору и знаком сообщив о своей тревоге Оседланному, она быстро вернулась к человеку и прошла мимо него. Сама себе не отдавая отчета, она была уверена в том, что человек должен пойти по запаху следов, точно так же, как она бы сделала это сама, и что, конечно, он выберет более свежие следы, которые она теперь оставляла за собой. Она не понимала, что в сумерках все следы были для человека совершенно одинаковы. Она побежала вперед и запела самую дикую и свирепую песню, какую только знала, — ту, которая столько раз заставляла собак гнаться за ней. Пропела и остановилась. Затем подбежала ближе к человеку и запела опять, подбегая все ближе, уверенная, что он последует наконец за ней.

Однако человек не мог увидеть койота, потому что сумерки уже спустились на землю. Джек принужден был бросить охоту, но он догадался, что вой койота

был не что иное, как голос матери, старавшейся отвлечь его от норы. Из этого он заключил, что детеныши должны быть недалеко и что ему остается только вернуться сюда завтра и закончить начатое дело. Поэтому он отправился обратно к месту своей стоянки.

XII

Оседланный думал, что они одержали победу. Он чувствовал себя в безопасности, потому что знал, что запах следов, который мог снова выдать их человеку, исчезнет к утру. Но Тито была менее спокойна. Ведь это двуногое чудовище было так близко от ее дома и от ее детей и всегда могло прийти снова.

А Джек напоил свою лошадь, сварил кофе, поужинал и закурил перед сном сигару, изредка вспоминая о маленьких пушистых комочках, которые завтра утром будут в его руках.

Он уже был готов завернуться в свое теплое шерстяное одеяло, когда где-то далеко в темноте зазвучала песня койотов. Слышны были тягучие переливы двух голосов. Джек прислушался, злорадно усмехнулся и сказал: «Так, все в порядке. Пойте себе, голубчики. Утром увидимся».

Это был обычный ночной вой койотов. Он скоро умолк. Джек позабыл о нем и крепко заснул.

Тито и Оседланный были не ради пустой забавы. У них была ясная, определенная цель — узнать наверняка, были ли у их врага собаки. Не услышав ответного лая, Тито убедилась, что собак не было.

Она ждала до тех пор, пока мерцающий огонек костра не потух совсем. Только фыркание лошади, пощипывавшей траву, нарушало мертвую тишину, воцарившуюся на полянке. Тито подкралась так тихо, что лошадь услышала ее только тогда, когда она была уже футах в двадцати от нее. Лошадь фыркнула, вздрогнула, и веревка, которой она была привязана к колышку, туго натянулась. Тито спокойно двинулась вперед и, широко раскрыв свою громадную пасть, схватила ве-

ревку большими, острыми, как ножницы, задними зубами. Она пожевала и легко перегрызла сильно натянутые волокна веревки. Лошадь очутилась на свободе. Она не особенно встревожилась, так как запах койотов был ей знаком. Сделав несколько прыжков, лошадь остановилась.

Стук ее подков разбудил спящего человека. Он привстал, оглянулся, но, увидев, что лошадь стоит неподвижно, снова спокойно заснул.

Тито шмыгнула было в сторону, но теперь снова вернулась, неслышно, словно тень, обошла неподвижную человеческую фигуру и подозрительно понюхала кофе в жестяной кружке. Следом за ней из темноты вынырнул Оседланный, исследовал сковородку, на которой лежала горка сухарей, и забросал ее грязью. Рядом на низком кусте висела уздечка. Койоты не знали, что это такое, но просто ради забавы разорвали ее на мелкие кусочки. Наконец, схватив мешки, где лежали сало и мука Джека, они унесли их далеко в поле и там закопали в песок.

Причинив таким образом своему врагу как можно больше неприятностей, Тито и Оседланный отправились в поросший лесом овражек. В этом овраге Тито присмотрела уже нору, вырытую каким-то животным, а потом расширенную многими другими — в том числе лисицей, старавшейся выцарапать оттуда обитателей. Тито принялась усердно увеличивать нору. Оседланный следовал за ней в недоумении. И только когда она, усталая, вышла из норы, он полез туда сам и, тщательно обнюхав нору, начал работать, выбрасывая землю задними ногами. Когда позади него выросла целая горка земли, он вышел и отбросил ее подальше. Так работали они в течение многих часов, не обмениваясь ни единым звуком, но тем не менее настолько хорошо понимая друг друга, что один все время помогал другому. И к восходу солнца перед ними была пещера, которая могла бы служить им убежищем в случае опасности, хотя, конечно, эту нору нельзя было и сравнить с их уютным домом на холмике, поросшем травой.

Солнце уже всходило, когда Джек проснулся. Как всякий степной житель, он прежде всего обернулся, чтобы поглядеть на свою лошадь. Ее не было. Лошадь для жителей степей — то же, что корабль для моряка, что крылья для птицы. Без нее он беспомощен, без нее он подобен человеку, затерянному в океане, или птице, обломавшей себе крылья. Оказаться пешим в степях — значит, испытать тысячи невзгод. Даже пьяница Джек понимал это. Но, раньше чем он вполне оценил потерю, он увидел далеко впереди свою лошадь, пасущуюся на лугу и все удаляющуюся от его стоянки. Посмотрев внимательнее, он заметил, что лошадь волочила за собой веревку. Если бы веревки на ней не оказалось, было бы совершенно невозможно поймать ее. Тогда бы Джек и не пытался ее настичь, а сразу отправился бы на охоту. В этом случае выводку койотов грозила бы неминуемая гибель. Но, увидев, что веревка волочится за лошадью, Джек решил попробовать поймать ее.

Из всех вещей на свете, способных свести человека с ума, самая худшая — это когда в погоне за лошадью ему все кажется, что вот он схватит ее. Как ни старался Джек, чего только он ни делал, ему не удалось приблизиться к лошади настолько, чтобы ухватиться за короткий обрывок веревки. И он метался за ней в разные стороны, пока наконец они не очутились на дороге, ведущей на ферму.

Несчастный Джек, потеряв всякую надежду поймать лошадь, решил следовать за нею пешком к ферме.

Он отмахал уже около семи миль, когда ему удалось наконец снова овладеть своим конем. Он вскочил в седло и в четверть часа пронесся последние три мили, остававшиеся до фермы; тут уж он дал волю гневу и выместил все огорчения этого утра на своей лошади. Конечно, это не принесло ему никакой пользы, но он сделал это просто для собственного удовольствия.

На ферме Джек закусил и, захватив с собой собаку, которая умела выслеживать койотов, уже далеко за

полдень отправился снова на охоту. В сущности, он мог бы и без помощи дворняжки легко найти нору, так как она была всего в каких-нибудь двухстах шагах от того места, где он накануне покинул дорожку из белых перьев.

Джек добрался до цепи маленьких холмов, находившихся шагах в ста от норы, и там почти нос к носу столкнулся с койотом, держащим в пасти большого кролика. Койот сделал прыжок назад в ту самую минуту, когда Джек выстрелил из револьвера. А собака, разразившись громким лаем, бросилась вперед.

Джек посылал вдогонку койоту выстрел за выстрелом, собака гналась за ним по пятам, а койот, к величайшему изумлению Джека, упорно не выпускал изо рта кролика. Ни один из выстрелов Джека не попал в цель. Перебравшись через холмы, Джек предоставил собаке продолжать преследование, а сам пошел искать нору, которая, по его расчету, была где-нибудь поблизости. Джек знал, что детеныши еще там: ведь он видел мать, которая несла им пищу.

Нору он действительно скоро нашел. Он принялся за работу и целый день провозился с киркой и заступом, расширяя отверстие норы. По всем признакам было видно, что в норе жили койоты. Полный радостных надежд, Джек все рыл и рыл. После нескольких часов тяжелой работы он наконец добрался до конца пещеры и... убедился, что она была пуста. Он сначала страшно выругался, проклиная свою судьбу, а затем надел свои громадные крепкие кожаные рукавицы и принялся обшаривать нору. Вдруг он наткнулся на что-то твердое — это оказалась голова его собственного индюка. Вот и все, что он получил за свои страдания и муки.

XIV

Тито не теряла времени, пока ее враг ловил свою лошадь. Окончив устройство нового жилья, она вернулась в ложбину, устланную ковром белых перьев, и на пороге дома была встречена большеголовым детены-

шем, удивительно похожим на нее. Она схватила его за шею и понесла в новую берлогу, находившуюся милях в двух от старой. Время от времени она должна была выпускать свою ношу из пасти, чтобы отдохнуть самой и дать передохнуть маленькому. Остановки эти очень замедляли переселение. Переноска маленьких продолжалась несколько часов. Тито не позволила Оседланному перенести ни одного детеныша — вероятно потому, что он был слишком неловок.

Начиная с самого крепкого и большого все детеныши были перенесены по очереди, и после полудня в старом доме оставался только слабенький баловень матери. Тито не только проработала всю ночь, роя нору, но сделала за утро около тридцати миль, причем половину этого расстояния она пробежала с тяжелой ношей в зубах. Но ей было рано думать об отдыхе. Когда она выходила из пещеры, держа последнего детеныша в зубах, на вершине того самого холмика, где была ее старая нора, появилась собака, а немного позади — Джек.

Как стрела полетела Тито, крепко держа своего детеныша, и так же стремительно бросилась за нею собака. Выстрелы револьвера гремели за нею непрерывно, но ни одна пуля не задела ее. Тито перелетела через гребень холма — теперь пуля уже не могла настигнуть ее. Усталая Тито со своим детенышем мчалась впереди, а громадная разъяренная собака — во всю прыть за нею.

Если бы Тито не была так утомлена и бежала бы налегке, она скоро оставила бы далеко позади своего преследователя, но теперь собака, свирепея, начинала настигать свою жертву. Тито призвала на помощь свои последние силы, стрелой взлетела на холмик и затем, выиграв небольшое расстояние, спустилась снова в долину, где густая трава несколько замедляла ее бег. Но вот опять она очутилась на совсем открытой равнине, и охотник, оставшийся далеко позади, снова увидел ее и начал стрелять с еще большим ожесточением. Правда, пули только взрывали землю и поднимали пыль, но

Тито все же приходилось постоянно менять направление, чтобы избегнуть их. Таким образом, она теряла драгоценное время, между тем как собаку звуки выстрелов только подгоняли. Охотник узнал Тито. Он видел, что она все еще держит в зубах кролика, и удивлялся ее странному упорству. «Почему она не бросит эту лишнюю тяжесть, когда дело идет о ее жизни?» — думал он.

Внезапно перед Тито открылась ложбинка. Усталая, с тяжелой ношей в зубах, она не решилась перепрыгнуть через нее, а обежала кругом. Но собака не успела еще устать и легко перескочила через препятствие. Теперь расстояние между ними сократилось вдвое. Тито неслась все вперед, стараясь держать своего детеныша повыше, над колючими иглами кустарников. Но при этом она держала его так крепко, что беспомощный детеныш начал задыхаться в ее пасти. Бежать долго с такой тяжестью Тито была уже не в силах. Она хотела крикнуть, призвать на помощь, но шерстяной комок во рту заглушал ее голос. Детеныш задыхался, и когда Тито попробовала держать его немного послабее, он дернулся и вдруг упал в траву, во власть безжалостной собаки.

Тито была гораздо меньше собаки. В другое время она, конечно, испугалась бы, но теперь она думала только о спасении своего детеныша. Когда собака прыгнула, чтобы схватить его, Тито выросла между ними и замерла. Вставшая дыбом шерсть и оскаленные зубы ее говорили, что она решила спасти жизнь своего детеныша какой угодно ценой. Собака не отличалась храбростью, и только сознание, что она крупнее врага и что сзади нее находится человек, ободряло ее. Но человек был еще далеко.

Первое нападение на дрожащего маленького детеныша было отбито, и Тито, воспользовавшись передышкой, громко позвала на помощь. Эхо подхватило этот вопль, так что Джек не мог разобрать, откуда он доносится. Но зато был некто другой, кто услышал этот клич и понял его. Собака снова прыгнула на дете-

ныша, и снова мать отразила прыжок своим собственным телом. Они сцепились в смертельной схватке. О, если бы только пришел Оседланный! Но никто не приходил, и не было больше возможности звать на помощь. Тито упала на землю, борясь до конца, но изнемогая. А храбрость собаки росла, и теперь она думала только о том, как скорее покончить с матерью, а потом растерзать ее беззащитного детеныша. Она не видела и не слышала ничего кругом, но вдруг из ближайшего куста шалфея вылетел какой-то серый шар. Ощетинившаяся собака была отброшена врагом таким же сильным, как она сама. Еще мгновение — и старый Оседланный подмял ее под себя. У собаки не хватило дыхания, чтобы лаем призвать хозяина, скрытого за холмами, и в несколько секунд койоты растерзали ее.

А затем Тито подняла спасенного детеныша, и койоты не торопясь побрели к своему новому дому.

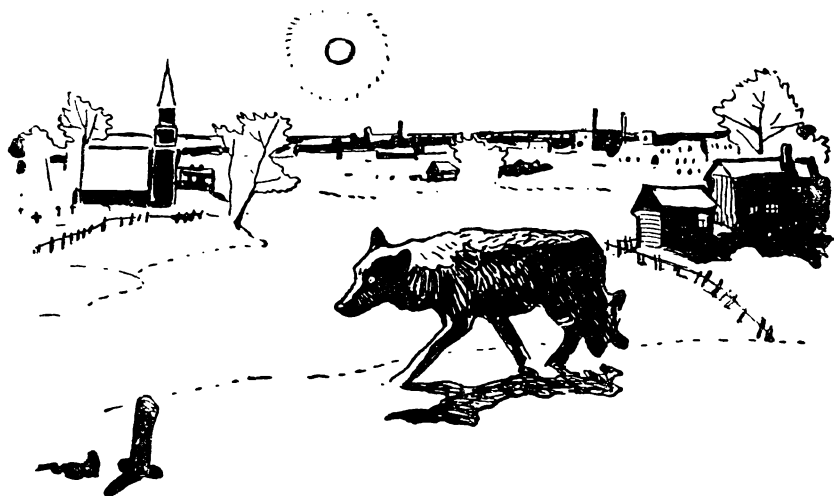
В этом новом убежище маленькие койоты жили в мире и покое, пока не узнали всего, чему научила их родителей жизнь. Там жили и поживали не только они, но и дети детей их.

Бизоны давно перевелись: их истребили ружья охотников. Стада антилоп тоже почти совсем исчезли: собаки и пули доконали их. Старинные обитатели прекрасных степей исчезли, как исчезает снег под лучами солнца, но койоты уцелели и не боятся исчезновения своего рода с лица земли.

Койоты остерегаются капканов и ядов, они знают, как провести охотника и собаку. Их увертливость не меньше догадливости человека. Они узнали, как можно жить в стране, населенной их злейшими врагами — людьми.

И всему этому научила их Тито.

ВИННИПЕГСКИЙ ВОЛК

I

Первая моя встреча с Виннипегским волком произошла во время большой метели 1882 года. В середине марта я выехал из Сен-Поля, надеясь в двадцать четыре часа пересечь прерии и добраться до Виннипега. Но царь ветров решил иначе и послал на землю свирепую вьюгу. Час за часом валил снег, упорно, яростно. Никогда в жизни я не видывал такой метели. Весь мир погрузился в снег — снег, снег, снег, вертящийся, кусающий, жалящий, порхающий снег. И пытящий чудовищный паровоз вынужден был остановиться по приказу этих воздушных перистых кристаллов непорочной чистоты.

За преградившие нам путь заносы взялось много сильных рук с лопатами, и час спустя наш паровоз сдвинулся с места для того лишь, чтобы застрять в следующем сугробе. Нелегкая была это работа: день за днем, ночь за ночью мы попеременно то зарывались в сугробы, то вылезали из них, а снег все продолжал виться и кружить в воздухе.

«Двадцать два часа до Эмерсона», — сказал железнодорожный служащий, но прошло две недели, прежде чем мы достигли Эмерсона с его тополевыми рощами — лучшей защитой от заносов. Отсюда поезд пошел быстрым ходом. Топольевые рощи становились гуще, переходили в большие леса, тянувшиеся на целые мили, с редкими просветами там и сям.

Приближаясь к восточной окраине Виннипега, мы медленно проехали мимо небольшой просеки, в пятьдесят шагов ширины, и посреди нее я увидел картину, потрясшую меня до глубины души.

На полянке стояла большая стая собак, больших и малых, рыжих, белых и черных. Собаки волновались и робели. Одна маленькая желтая собачонка лежала на снегу. В стороне рвался и лаял огромный черный пес, держась, однако, все время под прикрытием толпы. А посередине стоял большой угрюмый волк.

Волк? Он показался мне львом. Он стоял один-одинешенек — решительный, спокойный, с ощетинившимся загривком и прочно расставленными ногами — и поглядывал то туда, то сюда, готовый к атаке по всем направлениям. Изгиб его губ напоминал презрительную усмешку, хотя это был, вероятно, всего лишь обычный боевой оскал. Под предводительством волкоподобной собаки, которой следовало бы стыдиться такого предательства, свора бросилась на него, должно быть, в двадцатый раз. Но рослый серый зверь метнулся туда, сюда, хлопнув ужасными челюстями: щелк, щелк, щелк. Волк не визжал, не выл и не лаял. Между тем в рядах его врагов раздался не один предсмертный вопль, прежде чем они снова отпрянули от него, оставив его попрежнему неподвижным, неукротимым, невредимым и презрительным.

Как бы я хотел теперь, чтобы поезд снова застрял в снегу! Сердце мое рвалось к серому волку. Мне хотелось бежать к нему на помощь. Но белоснежная поляна промелькнула мимо, топольевые стволы заслонили ее, и мы понеслись дальше.

Вот все, что я видел, и, повидимому, это было очень

немного. Но несколько дней спустя я узнал, что удостоился редкостного зрелища, увидев при свете дня чудеснейшее существо — не более не менее, как самого Виннипегского волка.

Странная была у него слава: это был волк, предпочитающий город лесам, равнодушно проходивший мимо овец, чтобы убивать собак, и неизменно охотившийся в одиночку.

Рассказывая историю Колдуна, как звали его некоторые, я говорю о событиях его жизни, словно о чем-то известном местным жителям. Тем не менее не подлежит сомнению, что многие из горожан и не слышали о них. Так, например, богатый лавочник на главной улице имел о нем лишь самое смутное представление до того дня, когда произошла последняя сцена у бойни и большой труп волка был доставлен чучельнику Гайду. Здесь из волка сделали чучело для Чикагской выставки.

II

Как-то раз скрипач Поль Дерош, красивый повеса, бездельник и охотник, рыскал с ружьем по лесистым берегам Красной реки. Было это в июне 1880 года. Увидев вылезшего из береговой ямы серого волка, он наудачу выстрелил и убил его. Послав на разведку собаку, чтобы убедиться, что в логовище не осталось другого волка, он вполз туда сам и, к великому своему удивлению и радости, нашел там восемь волчат. Девять премий по десяти долларов! Сколько же это составит? Целое состояние, наверно. Он пустил в ход палку и с помощью желтого пса перебил всех малышей, кроме одного: существует поверье, что убийство последнего в выводке приносит несчастье. Итак, Поль отправился в город со скальпами волчицы и семи волчат и с одним живым волчонком впридачу.

Содержатель трактира, в собственность которого вскоре перешли все заработанные доллары, приобрел и волчонка. Звереныш вырос на цепи, что не мешало ему обзавестись такими челюстями и грудью, с кото-

рыми не мог поспорить ни один из городских псов. Его держали во дворе для забавы посетителей, и эта забава заключалась преимущественно в травле пленника собаками. Несколько раз молодой волк был искусан до полусмерти, но каждый раз побеждал, и с каждым месяцем уменьшалось число собак, желавших потягаться с ним. Жизнь его была очень тяжела. Единственным отрадным проблеском была дружба, возникшая между ним и маленьким Джимом, сыном трактирщика.

Джим был своенравный плутишка, себе на уме. Волк полюбился ему тем, что однажды загрыз укусившую его собаку. С тех пор он начал кормить и ласкать его. И волк разрешал ему всякие вольности, которых не позволил бы никому другому.

Отец Джима не был образцовым родителем. Обычно он баловал сына, но подчас приходил в ярость и жестоко избивал его из-за пустяков. Ребенок рано понял, что его бьют не за дело, а потому, что он подвернулся под сердитую руку. Стоило поэтому укрыться на время в надежном месте, и больше не о чем было тужить. Однажды, спасаясь бегством от отца, он бросился в волчью конуру. Бесцеремонно разбуженный серый приятель повернулся к выходу, оскалил двойной ряд белоснежных зубов и весьма понятно сказал отцу: «Не смей его трогать».

Трактирщик готов был пристрелить волка, но боялся убить сына и предпочел оставить их в покое. А полчаса спустя он уже сам смеялся над происшествием. Отныне маленький Джим бежал к логовищу волка при малейшей опасности, и иногда только тогда и догадывались, что он провинился, когда видели, как он прячется за спину сурового узника.

Трактирщик был скуп, поэтому конторщиком у него служил китаец. Это было безобидное, робкое существо, с которым скрипач Поль позволял себе не стесняться. Однажды, застав китайца одного в трактире, Поль, уже подвыпивший, захотел угоститься в кредит. Но Тунг-Линг, послушный полученному приказанию хозяина, отказал ему. Поль кинулся к прилавку, желая

отомстить за оскорбление. Китаец мог бы серьезно пострадать, если бы не подвернулся Джим, ловко подставивший длинную палку под ноги скрипачу. Скрипач растянулся на полу, потом он поднялся на ноги, клянясь, что мальчик поплатится за это жизнью. Но Джим воспользовался близостью двери и мгновенно очутился в волчьей конуре.

Увидев, что у ребенка есть покровитель, Поль схватил длинную палку и, став на почтительном расстоянии, принялся избивать волка. Серый зверь рвался на цепи, отражая бесчисленные удары и хватая палку зубами. Однако ему приходилось плохо. Вдруг Поль заметил, что Джим, язык которого ни на миг не переставал работать, возится с ошейником волка и что волк вскоре очутится на свободе.

Мысль, что он окажется во дворе один на один с разъяренным чудовищем, заставила содрогнуться храброго Поля.

Тут послышался умильный голос Джима:

— Потерпи немного, волчок, еще чуточку подожди, и ты получишь его на обед. Держи его, славный волчок!

Этого было достаточно: скрипач бежал, старательно закрывая за собой все двери.

Дружба между Джимом и его любимцем росла. Чем старше становился волк, тем яростнее он ненавидел собак и пахнувших водкой людей. Зато его любовь к Джиму и всем прочим детям росла с каждым днем.

В это время, осенью 1881 года, фермеры сильно жаловались на то, что волки очень размножились и истребляли стада. Отрава и капканы оказались бессильными, и понятно, что, когда в виннипегском клубе появился знатный немецкий путешественник, сообщивший, что у него есть собаки, способные в короткое время избавить страну от волков, его речи возбудили всеобщее любопытство. Ведь скотоводы — большие любители охоты, и мысль освободить округ от волков с помощью своры волкодавов казалась им очень заманчивой.

Немец вскоре привел двух великолепных датских

догов; один был белый, другой — палевый с черными крапинками. Каждый из этих огромных псов весил около двухсот фунтов. Мускулы у них были как у гигров, и все охотно поверили словам немца, что одной этой пары достаточно, чтобы одолеть самого крупного волка. Немец так описывал их обыкновение охотиться:

— Нужно показать им след, и будь он хоть суточный, они тотчас же побегут искать волка. Их ничем не собьешь. Как бы волк ни прятался и ни кружил, они живо отыщут его. Чуть только он кинется бежать, палевый пес хватает его за бедро и подкидывает вот так, — и немец подбросил кверху ломтик хлеба, — и не успеет он спуститься на землю, как белый вцепится ему в голову, палевый — в хвост, и он будет разорван пополам.

Все это казалось весьма правдоподобным. Всякому хотелось проверить собак на деле. Многие из местных жителей считали возможным встретить волков на Асинибуане, и охотники не замедлили снарядить туда экспедицию. Но, напрасно проискав волков в течение трех дней, они готовы уже были отказаться от охоты, когда кто-то вспомнил, что у трактирщика есть цепной волк, которого можно дешево купить и который, хотя ему только год, вполне пригоден для испытания собачьих способностей.

Стоимость волка сразу повысилась, когда трактирщик узнал, для чего он нужен охотникам. Кроме того, ему «совесть не позволяла» продать волка. Однако «совесть» сразу перестала мешать ему, едва охотники сошлись с ним в цене.

Теперь нужно было удалить маленького Джима. Его отослали к бабушке. Затем волка загнали в ящик, ящик заколотили гвоздями, поставили на фургон и отвезли в открытую прерию.

Собак с трудом могли удержать — так они рвались на ловлю, едва почуяв волка. Но несколько сильных мужчин держали их на привязи, пока фургон не был отвезен на полмили дальше.

Волка не без труда выгнали из ящика. Сперва он

казался оробевшим и угрюмым. Он не пытался кусаться, а только искал, где бы спрятаться. Тревожимый криками и свистом и поняв наконец, что находится на свободе, волк пустился крадущейся рысцой к югу.

В тот же миг собаки были спущены и с яростным лаем ринулись вслед за ним.

Люди с радостными криками поспешили за собаками. С самого начала стало ясно, что волку несдобровать. Доги были несравненно проворнее его. Белый мог бежать не хуже любой борзой. Немец громко восторгался, видя, как его любимый пес несется по прерии, приближаясь к волку с каждой минутой.

Многие предлагали держать пари, что победят собаки, но это было настолько ясно, что пари никто не принимал — соглашались только ставить на одну собаку против другой. Молодой волк бежал теперь во всю прыть, но скоро белый пес настиг его и подступил к нему вплотную.

— Смотрите теперь, — крикнул немец, — как этот волк взлетит на воздух!

Минуту спустя волк и собака сошлись на мгновение, но оба тотчас же отпрянули друг от друга. Ни один из них не взлетел на воздух, а белый пес упал на землю с ужасной раной на плече, выведенный из строя, если не убитый. Десять секунд спустя налетел, разинув пасть, второй пес — палевый. Схватка была так же мимолетна и почти так же непонятна, как и первая. Животные едва соприкоснулись. Серый зверь метнулся в сторону. Палевый пес отшатнулся, показав окровавленный бок.

Понукаемый людьми, он снова бросился, но получил вторую рану, окончательно научившую его уму-разуму.

В это время подоспел сторож с еще четырьмя большими собаками. Их спустили на волка, и люди с дубинами и арканами уже спешили вслед, чтобы прикончить его, когда через равнину примчался верхом на пони маленький мальчик. Он соскочил на землю и, протолкавшись сквозь оцепившее волка кольцо, обхва-

тил его шею руками. Он называл его «милым волчком», «дорогим волчишкой»; волк лизал ему лицо и махал хвостом. Затем мальчик обратился к толпе мокрое от слез лицо и сказал... Ну, да лучше не печатать того, что он сказал. Ему было всего девять лет, но он был очень груб, так как вырос в низкопробном трактире и успешно усвоил все постоянно слышанное там сквернословие.

Он ругал их всех и каждого, не исключая и родного отца.

Взрослый человек, позволивший себе такие оскорбительные и неприличные выражения, не миновал бы жестокой расправы. Но что делать с ребенком? И в конце концов охотники сделали самое лучшее: они громко рассмеялись — не над собой, конечно, смеяться над собой никто не любит, — нет, все до одного они смеялись над немцем, знаменитые собаки которого спасовали перед молоденьким волком.

Тогда Джим засунул грязный, мокрый от слез кулачок в свой мальчишеский карман и, порывшись там среди стеклянных шариков и леденцов, смешанных с табаком, спичками, пистолетными пистонами и другой контрабандой, выудил из всего этого обрывок тонкого шнурка и привязал его на шею волку. Затем, все еще всхлипывая, поскакал домой, уводя волка на шнурке и бросив немецкому дворянину прощальную угрозу:

— Я бы за два цента натравил его на вас, чтоб вы сдохли!

III

В начале зимы Джим заболел.

Волк жалобно выл на дворе, не видя своего дружка, и наконец, по просьбе больного, был допущен в его комнату. И здесь большой дикий пес — ведь волк просто дикий пес — верно дежурил у постели приятеля.

Болезнь казалась сперва несерьезной, и все были поражены, когда наступил внезапный поворот к худшему и за три дня до рождества Джим скончался.

Волк оплакивал его искреннее всех. Большой серый зверь откликнулся жалобным воем на колокольный звон, бредя в сочельник за погребальным шествием. Вскоре он возвратился на задворки трактира, но при первой же попытке снова посадить его на цепь перескочил через забор и был таков.

Той же зимой в бревенчатой хижине у реки поселился старый капканщик Рено с хорошенькой девочкой Нинеттой.

Он не имел представления о Джиме Гогане и немало удивился, увидев волчьи следы на обоих берегах реки у самого городка.

Старик с любопытством и сомнением прислушивался к рассказам служащих Гудзоновского общества о поселившемся по соседству волке, который иногда проникает даже в самый город и особенно любит лес, находящийся по соседству с церковью св. Бонифация.

В сочельник, едва зазвонили колокола, по лесу пронесся одинокий печальный вой, убедивший Рено в правдивости рассказов. Он хорошо знал все волчьи песни: призыв о помощи, любовную песнь, одинокий вой и резкий вызов. Это был одинокий вой.

Старик спустился к реке и ответил таким же воем. От дальнего леса отделилась неясная тень и переправилась по льду к тому месту, где сидел на бревне человек, неподвижный, как бревно. Тень приблизилась к нему, обошла его кругом и потянула носом. Тогда глаза ее разгорелись, она зарычала, как рассерженная собака, и скользнула обратно во мрак.

Таким образом Рено, а вслед за ним и многие из горожан узнали, что по городским улицам бродит огромный серый волк, «втрое больше того, что когда-то сидел на цепи у питейного заведения Гогана». Он был грозой для собак, умерщвлял их при каждом удобном случае, и говорили даже, хотя это осталось недоказанным, что он сожрал не одну собаку, загулявшуюся на окраинах.

Вот кто был Виннипегский волк, которого я увидел в занесенных снегом лесах. Я хотел ему помочь,

воображая, что его дело очень плохо. Но то, что я узнал позднее, изменило мое первое впечатление. Не знаю, как окончился виденный мною бой, но знаю, что волка не раз видели с тех пор, а некоторые собаки исчезли бесследно.

Итак, ни один волк никогда еще не жил такой странной жизнью. Имея возможность жить в лесах и степях, он предпочел вести полное превратностей существование в городе — каждый день на волосок от смерти, каждый день совершая отважные подвиги. Ненавидя людей и презирая собак, он каждый день разгонял собачьи стаи и убивал попадавшихся ему в одиночку псов. Он пугал пьяниц, избегал людей с ружьями, изучил капканы, изучил и отраву — как именно, невозможно сказать, но изучил несомненно, так как много раз с презрением проходил мимо отравленных кусков.

Не было в Виннипеге ни одной улицы, в которой бы он не побывал; не было полицейского, который не видел бы его быстро мелькающей, неясной тени в сером рассвете; не было собаки, которая не дрожала бы от ужаса, когда предательский ветер доносил весть о близости старого Колдуна. Он жаждал войны, и врагом его был весь мир. Но не было случая, чтобы волк обидел ребенка.

IV

Нинетта родилась в пустыне. Мать ее была индианка. Серые глаза она унаследовала от нормандца-отца и была теперь прелестной девушкой шестнадцати лет, первой красавицей во всем округе. Она могла бы выйти замуж за любого из богатых и степенных женихов в околотке, но избранником ее сердца стал Поль Дерош. Видный малый, лихой танцор и недурной скрипач, Поль нарасхват получал приглашения на все пирушки и был неисправимым пьяницей. Рено поступил правильно, прогнав его, когда он пришел свататься. Однако это ни к чему не привело.

Покорная во всем остальном, Нинетта не хотела

отказаться от своего избранника. На другой же день после того, как отец ее отказал ему, она обещала Полю встретиться с ним в лесу за рекой. Пробираясь по глубокому снегу к назначенному месту, Нинетта заметила, что следом за ней идет большая серая собака. Животное показалось ей вполне дружелюбным, и девочка (так как она была еще просто девочкой) не испытывала никакого страха. Но когда она приблизилась к месту, где ее дожидался Поль, большая собака вышла вперед, злобно ворча. Поль взглянул, узнал в звере большого волка и бросился бежать, как последний трус. Позднее он говорил, что побежал за ружьем. Должно быть, он забыл, где оно может находиться, так как влез за ним на дерево. Между тем Нинетта побежала по льду домой, чтобы предупредить знакомых о грозящей Полю опасности. Не найдя на дереве огнестрельного оружия, отважный рыцарь смастерил копье, прикрепив свой нож к сучку, и ухитрился нанести волку мучительную рану в голову. Зверь грозно зарычал, но отошел на некоторое расстояние, выказывая, впрочем, твердое намерение дожидаться, пока человек спустится на землю. Но приближение толпы изменило его решение, и он ушел.

Скрипачу Полю легче было объяснить свое поведение Нинетте, нежели другим: она попрежнему любила его. Но отец ее относился к нему с таким безнадежным презрением, что они решили обвенчаться тайно, как только Поль возвратится из форта Александра, куда он отправлялся в качестве погонщика собак. Он считался опытным собачьим погонщиком, так как был беспощадно жесток.

Рано утром, выпив на дорогу, Поль бодро двинулся вниз по реке. Быстро неслась по льду упряжка из трех лаек, рослых и сильных, как телята, и свирепых, как разбойники. Они проехали на полном скаку мимо жилища Рено на берегу, и Поль, щелкая бичом и следуя бегом за санями, махнул рукой стоявшей на пороге Нинетте.

Вскоре сани со свирепыми собаками и пьяным по-

гонщиком исчезли за поворотом реки, и никто с тех пор никогда не видал скрипача Поля.

В тот же вечер лайки одни возвратились в форт Гарри. Они были обрызганы запекшейся кровью и ранены в нескольких местах, но, как это ни странно, совсем не голодны.

По следу отправились разведчики. Они разыскивали на льду пакеты, которые вез Поль; на берегу реки валялись обломки саней; недалеко от пакетов нашли обрывки принадлежавшей скрипачу одежды.

Ясно было, что собаки загрызли и съели своего погонщика.

Владелец собак был очень расстроен этим происшествием — он мог за него поплатиться своими псами. Отказываясь верить слухам, он решил лично проверить дело. Рено был послан сопровождать его, и не прошли они и трех миль до рокового места, как старик указал на очень крупные следы, переходившие с восточного берега реки на западный, позади саней. Он повернулся к владельцу собак и сказал на ломаном английском языке:

— Большой волк шел за санями.

Тогда они по следу переправились на западный берег. За Гилдонанским лесом волк сменил галоп на шаг, перестал гнаться за санями и направился было к лесу. Но Поль что-то уронил здесь — быть может, пакет. Обнюхав оброненную вещь, волк узнал, что в санях едет пьяный Поль, который рассек ему когда-то голову.

Через милю след бегущего волка уже тянулся по льду за самыми санями. Человеческие следы теперь исчезли, так как человек вскочил в сани и погнал собак. Чтоб облегчить сани, он срезал поклажу. Вот почему свертки были разбросаны по снегу.

Как скачут собаки под взмахами бича! Вот валяется на снегу нож Поля. Должно быть, он уронил его, пытаясь зачищаться от волка. А здесь волчий след исчезает, но сани стрелой несутся дальше: волк вскочил в сани. Собаки в ужасе прибавляют шагу, но

в санях сзади летит волк. Через минуту все кончено. Человек и волк скатываются с саней. Волчий след снова появляется на восточном берегу и вскоре исчезает в лесу. Сани несутся к левому берегу, где задевают за корень дерева и разбиваются.

Снег рассказал старику Рено о том, как собаки, запутавшись в упряжке, стали драться между собой, пока не порвали постромки, затем — как они нашли труп своего бывшего мучителя и устроили пир.

Хорошего здесь было мало, но все же с собак было снято обвинение в убийстве. Ответственность, несомненно, падала на волка, и Рено, когда прошел первый страх, сказал со вздохом облегчения:

— Это Виннипегский волк. Он спас мою девочку от Поля. Он всегда был добр к детям.

V

Гибель Поля послужила предлогом для большой заключительной охоты, назначенной на рождество, ровно два года спустя после смерти маленького Джима. На эту охоту, казалось, согнали собак со всей страны. Были здесь три лайки из упряжки Поля — владелец считал их присутствие необходимым, — были и доги, и ищейки, и целая свора дворняжек, не помнящих родства. Все утро прошло в безуспешных поисках в лесах, лежащих на восток от лесов св. Бонифация. Но по телефону пришло известие, что волчий след замечен в Асинибуанских лесах, на запад от города, и час спустя охотники уже мчались по горячим следам Виннипегского волка.

Вот они несутся — стая собак, отряд всадников, толпа пеших мужчин и мальчиков. Волк не боялся собак, но он знал, что у людей есть опасные ружья. Он направился к темной линии Асинибуанских лесов, но всадникам было раздолье на равнине, и они скоро, обогнав волка, заставили его повернуть обратно. Он помчался вдоль оврага Колони-Крик и тем избежал свистевших уже над ним пуль. Дальше он повернул к

забору с колючей проволокой и, перескочив через него, на время избавился от всадников. Он попрежнему держался лощины, недоступной для пуль. Собаки уже приближались к нему. Вероятно, он только и мечтал о том, как бы остаться с ними наедине, хотя их было сорок или пятьдесят против одного. Теперь они уже окружили его, но ни одна не решалась подступить. Сухопарая борзая, понадеявшись на свою прыть, придвинулась было сбоку, но удар волчьей морды сбил ее с ног. Всадникам пришлось проехать кружным путем, и теперь охота приблизилась к городу. Навстречу выбежало много людей и собак, чтобы принять участие в потехе.

Волк повернул к городской бойне, хорошо знакомому ему месту, и стрельба на время прекратилась, так как охотники боялись попасть в собак. Собаки действительно так тесно сомкнулись вокруг волка, что дальше он бежать не мог. Он огляделся, ища прикрытия с тыла для последней схватки, и, увидев деревянный мостик через уличную канаву, спрятался под ним. Тогда люди достали лом и разрушили мостик. Волк выскочил наружу, зная, что пришло время умереть, готовый к смерти, но желая достойно постоять за себя напоследок. И здесь впервые при свете белого дня люди могли хорошенько разглядеть его. Вот он, загадочный собачий палач, бесплотный голос лесов св. Бонифация, чудесный Виннипегский волк!

VI

Наконец, после трех долгих лет борьбы, он стоял один лицом к лицу против четырех десятков собак, которым помогали вооруженные ружьями люди. Но он встречал врагов не менее отважно, чем в тот день, когда я увидел его впервые в зимних лесах. Тот же презрительный изгиб кривил его губы, впалые бока чуть-чуть вздымались, изжелта-зеленые глаза светились прежним блеском. Собаки сомкнулись. Их вели не косматые малоопытные лайки, а бульдог. Послы-

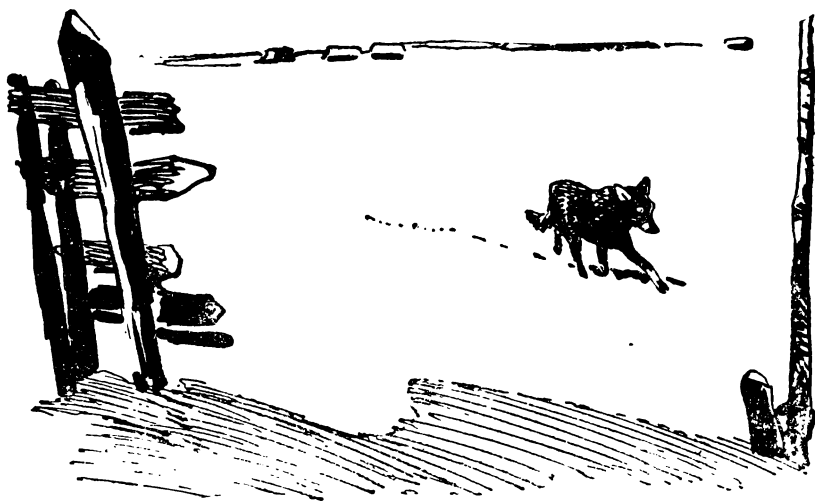
шался топот многих ног. Тявканье своры на время сменилось глухим ропотом. Седовато-багровые челюсти волка ощерились. Собаки шарахнулись во все стороны, и снова волк стоял один. Он был готов к нападению, угрюмый и сильный старый бандит. Трижды собаки нападали на него — и трижды были отражены. Смелейшие из бойцов валялись уже вокруг. Первым погиб бульдог. Умудренные опытом, собаки теперь отступили, оробев, а волк еще не выказывал никаких признаков усталости. После минутного нетерпеливого ожидания он ступил на несколько шагов вперед — увы, предоставив стрелкам долгожданный удобный случай! Грянуло три выстрела, и волк наконец улегся на покой, свершив свой боевой путь.

Кто может заглянуть в душу волка? Кто скажет нам, о чем он думал? Почему он оставался жить возле города, в котором испытал столько страданий? Ведь кругом тянулись густые леса и пищи повсюду было вдоволь. Вряд ли он был одержим жаждой мести: никакое животное не потратит целую жизнь на месть — это злобное чувство свойственно одному лишь человеку. Животные жаждут покоя.

Итак, остается всего одна цепь, которая могла приковать его к городу, и эта цепь есть величайшая в мире власть, могущественнейшая сила на земле — любовь.

Волка не стало. С тех пор прошло много лет, но и до сего дня сторож церкви св. Бонифация утверждает, что в сочельник, едва зазвонят колокола, в ответ несется жуткий и скорбный волчий вой с соседнего лесистого кладбища, где лежит маленький Джим — единственное существо на свете, научившее волка любви.

БИНГО

I

Это случилось в начале ноября 1882 года. В Манитобе только что установилась зима. Я сидел, развалившись на стуле, и лениво поглядывал в единственное окно нашей хижины, откуда виднелся кусочек прерии и угол хлева.

Но моя мечтательная лень сразу исчезла, едва я увидел стремительно вбежавшего в хлев огромного зверя, преследуемого по пятам другим животным, меньшего размера, с черными и белыми пятнами.

— Волк! — воскликнул я и, схватив ружье, бросился на помощь собаке.

Однако, прежде чем я подоспел, собака и волк выскочили из хлева. Пробежав немного по снегу, волк обернулся, готовясь к защите. Собака — шотландская овчарка нашего соседа — бегала кругом, выжидая удобного момента для нападения.

Я дважды выстрелил на большом расстоянии, но

промахнулся, и погоня по степи возобновилась. Всякий раз, приблизившись к волку, смелый пес хватал его за бедро и успевал увернуться от его свирепых челюстей. Волк принимал оборонительную позу и пускался наутек. Собака явно гнала волка к человеческому жилью, а волк напрасно пытался прорваться и убежать назад, к темной линии леса, видневшейся на востоке. Наконец, когда они пробежали таким образом целую милю, то останавливаясь для схватки, то снова пускаясь в бег, мне удалось их настигнуть, и собака, надеясь на мою помощь, бросилась в решительную атаку.

Прошло несколько секунд. Клубок борющихся животных, в котором трудно было что-нибудь различить, распался, и я увидел волка, лежащего на спине, и окровавленного пса, схватившего его за горло. Теперь мне было уже нетрудно покончить борьбу, всадив пулю в голову волка.

Когда этот удивительный пес, обладавший необыкновенным чутьем, увидел, что враг мертв, он даже не взглянул на него. Он пустился галопом по снегу на ферму, находящуюся в четырех милях отсюда, к своему хозяину.

Это был замечательный пес; даже если бы я не подоспел к нему на помощь, он и один справился бы с волком. Как я узнал, это был не первый уже случай. Он всегда побеждал волка, хотя волки были гораздо крупнее его.

Я был в восторге от храбрости пса и тут же решил купить его, уплатив за него какую угодно цену. Но хозяин собаки сердито отказался, ответив:

— Отчего бы вам не купить у меня щенка?

Пес Фрэнк оказался непродажным, и мне волею-неволей пришлось довольствоваться щенком. Этот сын столь знаменитого отца представлял собой комоч черного меха и был больше похож на длиннохвостого медвежонка, чем на щенка. Но у него были точно такие же рыжие отметины, как у Фрэнка. Я надеялся, что это может служить залогом его будущего величия, так же как и характерное белое кольцо вокруг носа.

После того как я приобрел щенка, мне оставалось только придумать ему имя. Это было нетрудно: я назвал его Бинго.

II

Конец этой зимы Бинго провел в нашей хижине, живя жизнью ленивого, толстого, добродушного и невоспитанного щенка. Он обжирался до отвала и с каждым днем становился все больше и неуклюжее. Даже печальный опыт не научил его, что он должен держать нос подальше от кошки. Его самые дружественные попытки сблизиться с кошкой были совершенно не поняты ею, и результатом явился вооруженный нейтралитет, который изредка прерывался войной.

Наконец Бинго, рано проявивший самостоятельность, решил лучше вовсе избегать хижины и ночевать в сарае.

Но с наступлением весны я серьезно принялся за его воспитание. Это стоило мне больших трудов, а ему — многих страданий, однако он все же выучился по моему приказанию разыскивать нашу старую желтую корову, которая паслась на воле в прерии.

Поняв наконец, что от него требуется, он полюбил это дело, и ничто так не нравилось ему, как приказание пригнать корову домой. Он тогда мчался в прерию с радостным лаем, высоко прыгая, чтобы разглядеть, где пасется его жертва. И через самое короткое время возвращался назад, гоня перед собой корову галопом и оставляя ее в покое лишь тогда, когда она, фыркая и отдуваясь, пряталась в самый отдаленный угол хлева.

Конечно, если б он тратил на это дело поменьше энергии, мы не мешали бы ему, но он до такой степени пристрастился к этой ежедневной охоте, что стал пригонять домой нашу старушку Донни без всякого приказания. В конце концов наш усердный пастух стал загонять корову в хлев по двенадцати раз в день. Дело дошло до того, что, когда у него являлось желание пробежаться или оказывалось несколько свобод-

ных минут, а иногда просто потому, что ему приходила такая фантазия, Бинго стремглав бежал в прерию и через несколько минут возвращался, гоня вскачь перед собой нашу бедную желтую корову.

Сначала это, казалось, было не так уж плохо, потому что корова не могла забрести далеко от дома. Но скоро мы убедились, что она недоедает: она похудела и стала давать меньше молока. Повидимому, эта охота действовала и на состояние ее духа, так как она, беспокойно озираясь, постоянно с тревогой ожидала появления собаки. А по утрам она не отходила от хлева, точно боялась отправиться в степь, чтобы снова не подвергнуться нападению.

Это было уже слишком. Все наши старания заставить Бинго умерить свой пыл не приводили ни к чему, и пришлось в конце концов насильственно прекратить эту забаву. Бинго больше не смел загонять корову, но все-таки выказывал к ней большой интерес и лежал, свернувшись, у дверей хлева, пока ее доили.

Когда наступило лето, москиты стали отравлять нам существование, но еще несноснее было то, что из-за укусов москитов корова при доении размахивала хвостом.

Брат мой Фред, обычно доивший коров и столь же изобретательный, сколь нетерпеливый, придумал простое средство заставить корову прекратить махать хвостом: он привязал к ее хвосту кирпич и безмятежно принялся за свое дело, уверенный, что корова уже не будет мешать ему своим хвостом. Но мы с некоторым сомнением отнеслись к этому опыту.

И вот внезапно, сквозь тучу москитов, к нам донесся глухой звук удара и взрыв ругательства. Корова продолжала спокойно пережевывать жвачку, а Фред вскочил на ноги и яростно замахнулся на нее скамеечкой. Как же не прийти в ярость, если старая, глупая коровахватила его по уху кирпичом! А злорадство и насмешки зрителей окончательно вывели его из себя.

Бинго, услышав шум и полагая, что присутствие его необходимо, бросился на корову с другой стороны.

Прежде чем удалось водворить порядок, молоко было пролито, ведро и скамейка сломаны, а корова и собака жестоко избиты.

Бедный Бинго никак не мог понять, в чем он провинился. Он давно уже презирал эту корову и теперь, окончательно возмущенный, решил даже не смотреть на дверь ее хлева и переселился к лошадям в конюшню.

Корова была моя, а лошади принадлежали моему брату, и, сменив хлев на конюшню, Бинго тем самым как бы отказался и от меня. Наше ежедневное общение прекратилось, и тем не менее, если случалось что-нибудь серьезное, Бинго всегда обращался ко мне, а не к брату. И мы оба как будто чувствовали, что связь между человеком и собакой может исчезнуть только с жизнью.

Бинго пришлось еще один-единственный раз выступить в роли пастуха. Это было осенью того же года на ярмарке в Корберри. Там происходило состязание собак, и овчарке, которая лучше всех пригонит корову туда, куда ей скажут, обещан был приз в два доллара.

Соблазненный одним коварным приятелем, я записал Бинго для участия в состязании, и рано утром в назначенный день корову выгнали в прерию, как раз за деревней. Когда началось состязание, я указал на нее Бинго и сказал:

— Ступай приведи корову!

Само собой разумеется, я хотел, чтобы он пригнал ее ко мне, туда, где сидели судьи.

Но животные знали лучше нас, что им делать. Недаром они все лето репетировали свои роли. Когда Донни увидела бегущего к ней во весь карьер Бинго, она поняла, что единственная надежда на спасение — это ее хлев, а Бинго был уверен, что единственная цель его жизни — ускорять ее бег в направлении хлева. И вот они понеслись по прерии друг за другом, как волк за ланью, держа прямой курс на хлев, находящийся на расстоянии двух миль отсюда, и вскоре

исчезли из виду. Судьи больше не видели ни коровы, ни собаки. Награда досталась другой овчарке, единственной сопернице Бинго.

III

Я принялся воспитывать Бинго ранней весной, но счень скоро он сам стал учить меня.

На половине дороги между нашей хижинкой и деревней, в двух милях от нас, стоял столб, отмечавший границу нашей фермы. Это был большой, толстый столб, поставленный на маленьком холмике и хорошо видный издали.

Я скоро заметил, что Бинго никогда не пройдет мимо этого столба без того, чтобы не исследовать его самым тщательным образом. Спустя немного времени я убедился, что столб этот посещается также койотами и всеми собаками, живущими по соседству с нами.

С помощью подзорной трубы я сделал целый ряд наблюдений, давших мне возможность узнать, в чем тут дело, и более основательно познакомиться с личной жизнью Бинго.

Столб этот, по взаимному соглашению животных, служил своего рода адресным столом для собачьего племени. Благодаря своему изумительному чутью каждая собака могла тотчас же определить по следу и запаху, кто из собак побывал здесь недавно. Когда же выпал снег, то я узнал еще многое другое. Этот столб, как я убедился, был лишь частью целой системы адресных столов, покрывавших сетью все окрестности.

Короче говоря, во всей этой области были расположены на соответствующем расстоянии друг от друга сигнальные станции. Они были отмечены каким-нибудь бросающимся в глаза предметом. Это был или столб, или камень. И тщательное наблюдение скоро убедило меня, что тут была целая система сигнализации. Каждая собака или койот непременно посетит те станции, которые лежат у них на пути, для того чтобы узнать, кто тут был недавно. Это похоже на то, как

поступает член клуба, который, вернувшись в город, берет для просмотра книгу записи посетителей, желая знать, кто посещал клуб в его отсутствие.

Я видел, как Бинго подходил к столбу, нюхал, исследовал землю вокруг него. Он рычал, ощетинивал шерсть и, сверкая глазами, принимался яростно и с презрением скрести землю задними ногами. Затем он отходил с очень важным видом, временами оглядываясь. В переводе на человеческий язык это означало следующее:

«Гррр! Ввууф! Опять эта грязная дворняга, пес Мак-Карти! Ввууф! Я ему задам сегодня ночью. Ввууф! Ввууф!»

В другой раз случилось, что, обнюхав столб, он внезапно с волнением начинал изучать след койота. При этом Бинго говорил себе, как я догадался потом:

«След койота, идущий с севера и притом пахнущий околевшей коровой... Да ну! Старуха Бриндл, корова Поллуарта, околела наконец! Это стоит расследовать».

Иногда же он принимался махать хвостом, бегал кругом и снова возвращался к столбу, чтобы еще заметнее сделать свое посещение, — может быть, для того, чтобы его брат Билл, только что вернувшийся из Брендона, узнал его. Таким образом, вовсе не случайно однажды вечером Билл явился в гости к Бинго и вместе с ним отправился к холмам, где они могли как следует отпраздновать свою встречу над свежим лошадиным трупом.

Бывало и так, что весть, которую Бинго узнавал у столба, потрясала его до глубины души. Тогда он бежал по следу к следующей станции, чтобы там получить более свежие новости.

Порой я замечал, что он внимательнейшим образом осматривал столб, точно спрашивая себя: «Что это? Кто бы это мог быть?..»

Или как будто размышлял, исследуя столб: «Кажется, я встречался с ним прошлым летом у переправы?»

Однажды утром, когда Бинго подошел к столбу, вся шерсть у него встала дыбом, хвост повис и задрожал, а внезапные признаки тошноты были явным доказательством крайнего ужаса, который он испытывал. Он не выказал ни малейшего желания идти по следу дальше и расследовать дело, а прямо направился домой; и даже полчаса спустя он все еще не мог успокоиться: шерсть на загривке торчала у него дыбом, а взгляд выражал страх и ненависть.

Тогда я, в свою очередь, исследовал этот страшный след и узнал, что горловые звуки: «Грр! Вууф!» означают на языке Бинго: «Волк!»

Вот чему научил меня Бинго. И когда потом мне случилось видеть, что он встает со своей холодной постели у входа в конюшню, потягивается и стряхивает снег, облепивший его лохматую спину, а затем исчезает в темноте, мерно постукивая лапами: «трот, трот, трот», я всегда думал про себя:

«Ага, старый пес! Знаю, куда ты бежишь и почему ты не захотел ночевать под крышей! Теперь мне понятно, почему твои ночные прогулки по окрестностям всегда бывают так своевременны и почему ты всегда в точности знаешь, куда тебе надо идти за поживой и как и когда надо ее искать!»

IV

Осенью 1884 года хижина на ферме де Винтона была заколочена, и Бинго переменял свое местожительство. Он переселился в другое место — в конюшню нашего соседа Гордона Райта, моего друга.

Бинго с детства ни за что не хотел входить в дом, за исключением лишь тех случаев, когда разражалась гроза. Гром и ружья внушали ему величайший страх. Нет сомнения, что он стал бояться грома только после того, как познакомился с ружьями.

Бинго всегда ночевал на дворе, у конюшни, даже в самую холодную погоду, и ясно было, что ему нравится неограниченная свобода, которой он мог беспрепятственно пользоваться, только живя на дворе.

По ночам Бинго уходил на много миль. Этому было немало доказательств. Очень дальние фермеры неоднократно говсрили старику Гордону, что, если его собака будет шляться к ним по ночам, они станут стрелять в нее дробью. Очевидно, они исполнили свою угрозу: оттого Бинго так и боялся огнестрельного оружия.

Один человек, живший далеко, в Петреле, рассказывал, что он видел большого черного волка, который однажды зимним вечером загрыз койота. Но после он изменил свое мнение и говорил, что, по всей вероятности, это был не волк, а пес Райта.

Где бы ни лежал труп быка или лошади, околевших зимой, Бинго непременно отправлялся туда каждую ночь и, отгоняя койотов, наедался до отвала.

Иногда он уходил из дому только для того, чтобы подраться с собакой какого-нибудь дальнего соседа. Но, несмотря на все угрозы соседей, мы никогда не опасались, что Бинго погибнет и род его прекратится. Один человек даже уверял, что он видел самку койота с тремя детенышами, причем детеныши были крупнее и чернее матери, а вокруг их носов сверкали белые кольца.

Как-то раз, в конце марта, мы ехали в санях, а Бинго бежал за нами по пятам. Вдруг из ложбины выскочил койот. Он бросился бежать, Бинго — за ним. Однако ясно было, что койот вовсе не пытается спастись от преследования. Вскоре Бинго настиг его, но, как это ни странно, никакой схватки и борьбы не произошло. Бинго дружелюбно бежал с ним рядом и наконец лизнул его в морду.

Мы были поражены и кричали, чтобы науськать Бинго на койота. Наши крики пугали койота и заставляли его ускорять бег, но Бинго снова бросался за ним и настигал его с самым дружелюбным видом.

— Это самка! Он не делает ей никакого вреда! — воскликнул я, догадавшись наконец, в чем дело.

Пришлось насильно увести Бинго и ехать дальше.

В течение нескольких недель после этого мы подвергались нашествиям этой самки: она похищала на-

ших цыплят, воровала куски свинины из кладовой и несколько раз пугала детей, заглядывая в окно, когда взрослых не было дома.

А Бинго не желал сторожить дом и не мешал ее набегам. Наконец она была убита, и Бинго страшно рассердился. Он объявил непримиримую войну Оливеру, ее убийце.

V

Удивительная и трогательная вещь — дружба человека с собакой! Рассказывают об одном индейском племени на дальнем Севере, которое почти все погибло из-за внутренней распри: все началось с того, что собака одного из индейцев была убита его соседом. Но ведь и у нас бывают распри, тяжбы, даже битвы из-за собаки, и для нас живо древнее правило: «Любишь меня — люби мою собаку».

У одного из наших соседей была прекрасная гончая, по имени Тан. Он считал ее самой лучшей и самой красивой собакой на свете. Я любил его и потому любил его собаку. Однажды бедный Тан приполз домой страшно израненный и испустил дух у порога дома. Хозяин негодовал, грозил отомстить за смерть собаки, и я ему сочувствовал, я сам взялся за поиски преступника и предлагал награду за его поимку. Я подозревал, что Тана убил один фермер, живший к югу от нас. Улики были против него, и мы надеялись заставить негодяя понести должное наказание за гнусное убийство бедного старого Тана.

Однако тут случилось нечто, заставившее меня совершенно изменить мою точку зрения на это дело, и я готов был отнестись к убийству этого старого пса снисходительно.

Ферма Гордона Райта лежала к югу от нас, и, когда я однажды туда зашел, Гордон-младший, зная, что я разыскиваю убийцу, отвел меня в сторону и, бояливо озираясь, прошептал трагическим голосом:

— Тана убил Бинго...

Тем дело и кончилось, так как я должен сознаться,

что с этой минуты делал все от меня зависящее, чтобы сбить с толку правосудие, тогда как раньше, наоборот, прилагал все усилия, чтобы разыскать убийцу.

Я давно уже отдал Бинго, но дружба наша не кончилась.

Гордон и Оливер были старыми товарищами. Они подрядились вместе вырубить лес и работали дружно до половины зимы. Но затем старая лошадь Оливера пала, и он, желая извлечь из нее наибольшую пользу, выволок ее в степь и заложил в нее отраву для волков.

Увы, бедный Бинго! Он хотел вести волчью жизнь и постоянно подвергался тем же опасностям, что и волки. Он так же любил лакомиться падалью, как и его дикие родичи. В ту же ночь он отправился к труп лошади вместе с собакой Гордона Райта, которую звали Керли.

Следы на снегу рассказали историю пира, прерванного, когда яд стал действовать и начались мучительные схватки. Псы кое-как добрались домой. Керли свалился в судорогах к ногам Гордона и умер в страшных мучениях.

«Любишь меня — люби мою собаку!»

Никакие объяснения не помогли. Напрасно было доказывать, что все случилось нечаянно. Давнишняя вражда Бинго к Оливеру выставлялась как неопровержимое доказательство. Договор о рубке леса был уничтожен, и дружбе двух приятелей пришел конец. И до сего дня в этой местности существуют две враждебные партии, образовавшиеся из-за смерти Керли.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Бинго окончательно оправился от действия яда. Мы даже боялись, что он больше уже никогда не будет прежним — сильным и смелым Бинго. Но с наступлением весны он начал поправляться.

VI

Некоторые перемены в моей жизни заставили меня уехать далеко от Манитобы, но когда я вернулся туда в 1886 году, Бинго все еще жил в доме Гордона Райта:

Я думал, что он забыл обо мне за время моего двух-летнего отсутствия, но не тут-то было.

Однажды, в самом начале зимы, он пропал около двух суток и наконец приполз домой, волоча за собой волчий капкан с тяжелым бревном. Лапа, попавшая в капкан, была отморожена и тверда, как камень. Никто не осмеливался подойти к нему, чтобы освободить его, так как он тотчас же приходил в ярость. Тогда я, ставший для него уже совсем чужим, подошел к нему и одной рукой взялся за капкан, а другой взял его ногу. Он мгновенно схватил мою руку зубами.

— Бинго, разве ты не узнаешь меня?

Он не укусил меня и тотчас же выпустил мою руку. Он не выказал больше никакого сопротивления, хотя громко визжал, пока снимали капкан. Он все еще признавал во мне своего господина, несмотря на то что не жил у меня и долго не видал меня. И я также, хотя уступил свои права на него другому, все же чувствовал, что это моя собака.

Бинго, против его желания, внесли все-таки в дом, и его замерзшая лапа оттаяла. Он хромал всю зиму, и два пальца у него омертвели и отпали. Но еще до наступления теплой погоды он совсем поправился.

VII

В ту зиму много койотов и лисиц попало в мои капканы. Я не убирал капканов даже весной, так как за истребление хищников получал денежное вознаграждение.

Равнина Кеннеди — очень удобное место для капканов, так как люди мало ее посещают. Она расположена между густым, дремучим лесом и деревней. Я добыл много меха в этих местах.

В конце апреля я отправился туда в один из своих объездов, которые всегда совершал регулярно.

Капканы делают из твердой стали. Они снабжены двумя пружинами, и сила каждой из них равняется ста фунтам. Вокруг каждой приманки ставят по четыре

капкана и крепко привязывают к хорошо запрятанным бревнам. После этого их тщательно прикрывают ватой и засыпают сверху мелким песком.

В один из моих капканов попался койот. Я убил его ударом дубины и, отбросив труп в сторону, принялся вновь устанавливать капкан. Так я поступал уже сотни раз.

Скоро все было готово. Я бросил отвертку, отмыкающую капкан, туда, где стояла моя лошадь, и, заметив поблизости хороший, мелкий песок, сгреб его рукой.

Какая это была несчастная мысль! Какая безумная неосторожность! Этот мелкий песок лежал поверх соседнего капкана, и я в один миг очутился в плену.

Я не был ранен, потому что эти капканы не имеют зубьев, а мои толстые охотничьи перчатки ослабили тиски, но все же я был крепко схвачен стальными челюстями за кисть руки.

Сначала я не очень испугался и попытался достать отвертку правой ногой. Вытянувшись ничком во всю длину, я старался дотянуться до нее, вытягивая мою зажатую капканом руку насколько возможно. Я не мог одновременно и смотреть и шарить, но полагался на большой палец своей ноги, который, конечно, даст мне знать, если я прикоснусь к маленькой железной отвертке.

Моя первая попытка была неудачной. Как я ни вытягивал ногу, я ничего не мог достать. Я медленно повертывал ее, но снова терпел неудачу. Тогда я начал шарить кругом, слепо двигая ногой во все стороны, чтобы найти отвертку. И вот, занятый правой ногой, я совсем упустил из виду левую ногу, пока не послышалось резкое щелканье и крепкие челюсти капкана № 3 не сомкнулись над ней.

Я не сразу понял весь ужас моего положения, но скоро убедился, что мне из капканов не вырваться. Я даже не мог сдвинуть их с места и лежал, вытянувшись во весь рост, пригвожденный к земле.

Что же теперь будет со мной? Я не боялся замерз-

нуть в это время года, но знал, что равнину Кеннеди никто не посещает, кроме дровосеков зимой. Никто не знает, куда я поехал, и если мне не удастся освободиться, меня растерзают волки или я умру с голоду.

Пока я лежал, красное солнце спускалось к соснам. В нескольких шагах от меня, на бугре, береговой жаворонок прощebetал свою вечернюю песенку, точь-в-точь как накануне вечером у дверей моей хижины. И хотя тупая боль поднималась в моей руке и мертвящий холод охватывал меня, но я все же заметил, какие длинные пучки маленьких перьев торчали у птицы над ушами.

После этого мысли мои перенеслись к уютному вечернему столу в доме Райта. Я думал о том, что они, быть может, как раз в эту минуту жарят свинину к ужину или уже садятся за стол. Моя лошадь продолжала стоять на том самом месте, где я оставил ее, с уздечкой на земле, и терпеливо ждала, чтобы отвезти меня домой. Она не понимала, отчего я задерживаюсь так долго, и когда я позвал ее, она перестала щипать траву и взглянула на меня с немым, беспомощным недоумением.

Если б она вернулась домой! Опустевшее седло могло бы вызвать подозрение, что со мной случилось несчастье. Меня стали бы искать и могли бы спасти. Но преданность лошади заставляла ее ждать часами, в то время как я погибал от голода и холода.

Тут я вспомнил гибель старого волчьего охотника Жиру.

Только следующей весной нашли его скелет, прикованный за ногу к медвежьему капкану. И я думал о том, какая часть моей одежды поможет моим друзьям опознать мой скелет...

Вдруг меня осенила новая мысль. Так вот что чувствует волк, когда попадает в капкан! Сколько мучений причинил я им на своем веку! Теперь я расплачиваюсь за это...

Ночь медленно наступала. Где-то завыл койот. Лошадь насторожила уши и, подойдя ближе ко мне, оста-

новилась, опустив голову. Забыл другой койот, и еще третий... Я понял, что они собираются тут, по соседству. А я лежал распростертый на земле и беспомощный и думал, что будет очень справедливо, если они сейчас явятся сюда и растерзают меня на части.

Я долго слышал их призывное завыванье, пока не увидел их неясные очертания во тьме. Лошадь первая заметила койотов, и ее испуганное фырканье заставило их сначала несколько отступить. Но затем они подошли ближе и уселись вокруг меня на равнине. Вскоре один из них, более смелый, чем другие, подкрался к труп своему родича и стал дергать его. Я крикнул, и он с рычаньем попятился. Лошадь в ужасе отбежала в сторону. Вскоре койот опять вернулся; после некоторых колебаний он в конце концов оттащил труп, который был съеден остальными в несколько минут.

После этого койоты подошли еще ближе и уселись вокруг, разглядывая меня. Один из них, самый смелый, даже понюхал мое ружье и соскреб с него землю. Он отбежал, когда я с криком замахнулся на него свободной ногой, но по мере того, как я слабел, он делался храбрее и даже рычал мне прямо в лицо. Увидя это, другие койоты тоже зарычали и приблизились ко мне. Я понял, что мне предстоит быть растерзанным самым презренным из моих врагов, как вдруг из окружающей темноты выскочил с глухим ревом большой черный волк.

Койоты тотчас же разбежались в разные стороны, кроме одного смельчака, который был схвачен этим новым пришельцем и мгновенно обращен в труп. Но — о ужас! — страшный зверь после этого бросился ко мне и... Бинго, мой благородный Бинго, — это он терся о меня своими мохнатыми боками и лизал мое похолодевшее лицо!

— Бинго! Бинго! Старый друг! Принеси мне отвертку!

Он тотчас же побежал и вернулся, волоча ружье.
— Нет, Бинго! Принеси отвертку!

Он опять побежал и принес мой кушак. Но в конце

концов он все же принес мне отвертку и радостно махал хвостом, оттого что угадал мое желание.

Протянув свободную руку, я с величайшим трудом отвинтил гайку. Капкан раскрылся, и моя рука освободилась, а через минуту и я сам был на свободе. Бинго пригнал ко мне лошадь. Медленно пройдясь немного, чтобы восстановить кровообращение, я наконец мог сесть в седло.

Мы отправились домой, сначала тоже медленным шагом, а потом вскачь. Бинго бежал впереди, как настоящий герольд, и громким, торжествующим лаем возвестил о нашем возвращении.

Дома я узнал, что накануне вечером этот удивительный пес очень странно вел себя, хотя я никогда не брал его с собой для осмотра капканов. Он визжал и не спускал глаз с лесной дороги. Наконец, когда настала ночь, он, несмотря на все попытки удержать его, убежал и скрылся в темноте.

Мой верный старый Бинго! Какой это был странный пес! Его привязанность, несомненно, принадлежала мне, а между тем на другой же день он почти не удостоил меня взглядом. И таким он оставался до конца.

Так же до конца он жил волчьей жизнью и всегда отправлялся, согласно своей волчьей повадке, отыскивать трупы павших зимой лошадей. Это и было его гибелью. Он опять наткнулся на отравленный лошадиный труп и с волчьей прожорливостью полакомился им. Затем, в предсмертных муках, он притащился, но не к Гордону Райту, а ко мне, к дверям моей хижины.

На следующий день, возвращаясь домой, я нашел его мертвым на снегу. Он оставался до последней минуты моей собакой, и моей помощи он искал — напрасно искал! — в минуту предсмертной тоски.

СОДЕРЖАНИЕ

Уличный певец	3
Королевская Аналостанка	18
Тито — дочь степей	48
Виннипегский волк	81
Бинго	96

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

СЕТОН-ТОМПСОН

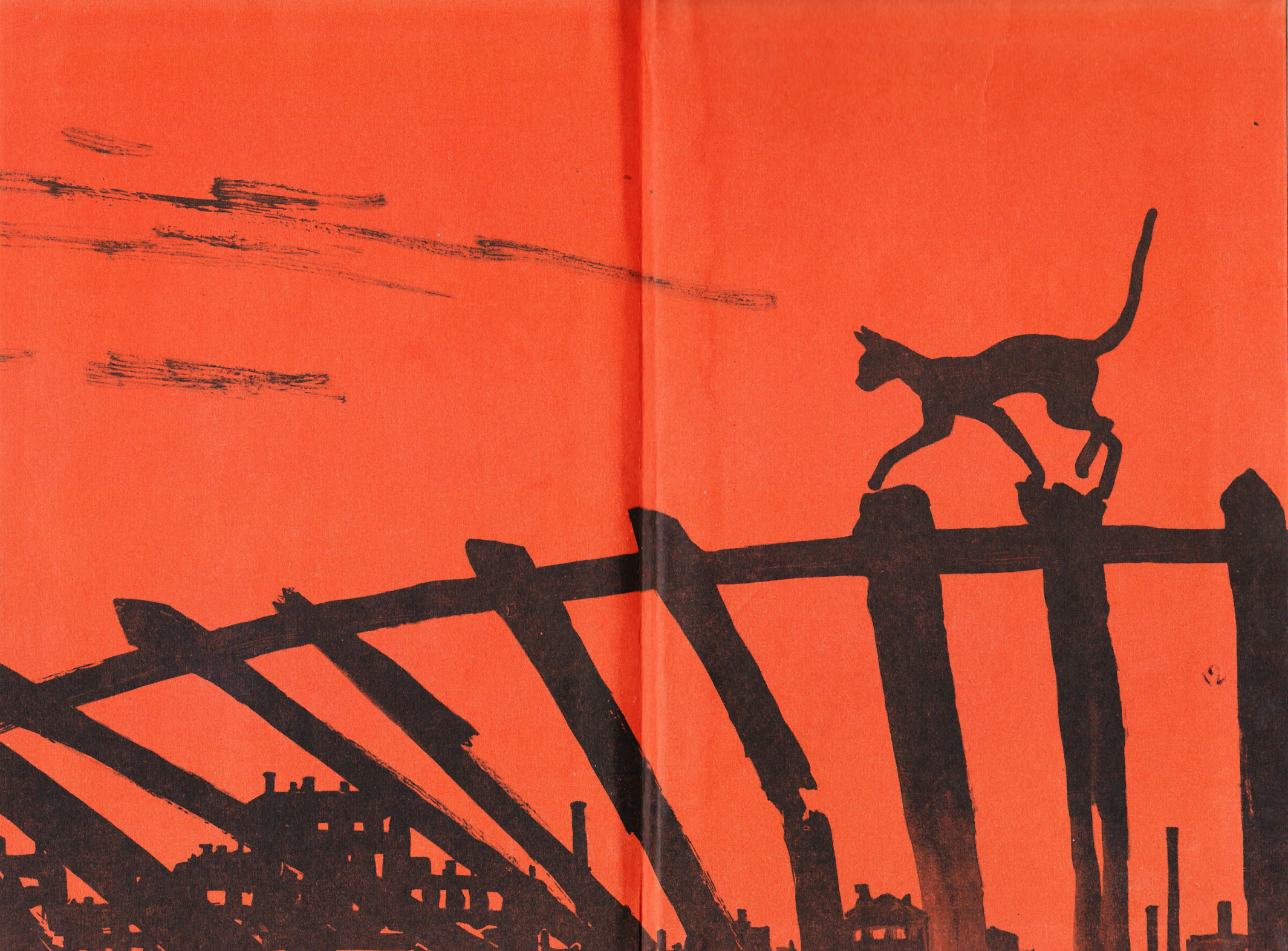
Уличный певец
и другие рассказы

Ответственный редактор *О. А. Лаврова* Художественный редактор *П. И. Суворов*.
Технический редактор *А. С. Куприянов*. Корректоры *Л. А. Кречетова* и *И. Г. Кузьмина*.
Сдано в набор 21/IV 1956 г. Подписано к печати 15/VI 1956 г. Формат 60 X 92^{1/16} —
7 печ. л. (5,23 уч.-изд. л.). Тираж 400 000 экз. А07250. Заказ № 623. Цена 2 р. 85 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва. Сушеvский вал, 49.

Цена 2 р. 85 к.

